Суперлуние

Физика демонов?
Учись, если хочешь
выжить...

Саша Готти

Саша Готти
Суперлуние

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29853683
Суперлуние: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-110002-5

Аннотация

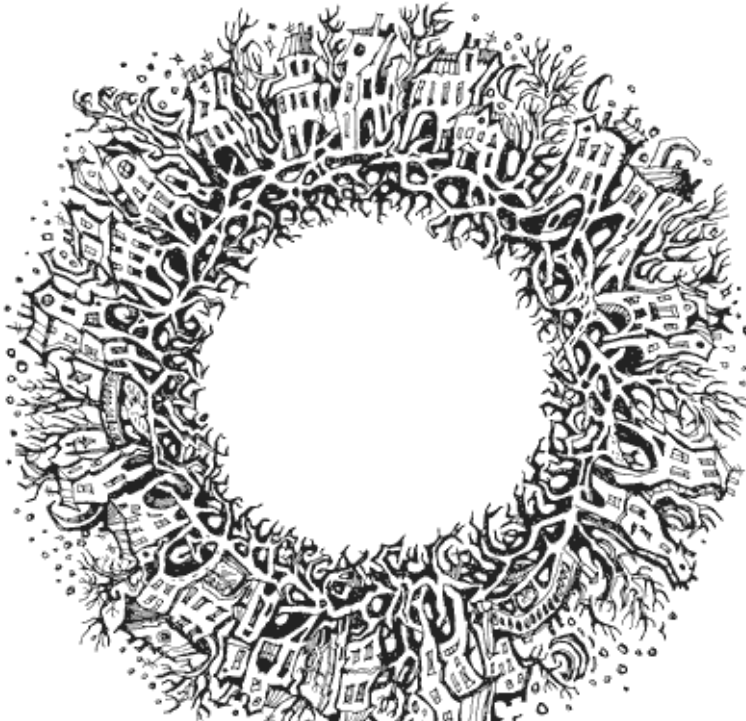
…ты идешь в веселой компании подруг посреди города, но вдруг оглядываешься – и видишь, что за тобой по следам идет беда. И ты одна с этой бедой, потому что никто больше не видит и не чувствует ее…

Содержание

Часть первая 5
Глава 1 7
Глава 2 25
Глава 3 44
Глава 4 61
Глава 5 74
Глава 6 90
Глава 7 102
Глава 8 114
Конец ознакомительного фрагмента. 116

Саша Готти
Суперлуние

Часть первая
Страх



…Имя… – прошептал сумрак. – Назови имя…

Занавески всколыхнулись, и черная мгла в них качнулась.

– Таисия… Но все зовут меня просто Тася. Или Тая.

…Тая… Редкое имя для девушки из Петербурга, – в свистящем шепоте почудилась насмешка. – Почему оно такое?

– Какая тебе разница, убийца?!

– Я жду ответа…

– А ты на меня посмотри, и поймешь. Любимая шутка в моей школе, что меня нельзя держать в тепле, иначе растаю, как горстка снега. Устроит такой ответ?

– В школе… сколько же тебе земных лет, Тая?

Очень трудно разговаривать с пустотой, которая явилась, чтобы забрать твою жизнь.

– Мне семнадцать, и ты это знаешь, раз пришел меня уничтожить!..

Глава 1
Лик ужаса

«Эй, смотрите – я бросила школу и сбежала в Африку, чтобы растаять!»

Ах, какое же эффектное вышло селфи.

Белоснежный водопад волос до лопаток, поворот тонкого профиля на фоне огненного заката. Пусть даже этот закат на фотообоях из комнаты тетки.

Почти сразу под фото посыпались комментарии: «Темнич, ты просто шок!», «Чем выбеливалась, snow girl?», «Да ты фотошопный фотошоп!», «Ты ангел или демон??!», «Скока тибе лет чюдо?!»

И ответы под селфи: «Спс, я скромное привидение», «Сам ты… фотошоп!», «Я демон, о смертный раб, на колени!», «Чюду уже неделя как исполнилось семнадцать лет, учи арфаграфею!!!»

Высший пилотаж крутого блогера, у которого почти три тысячи подписчиков в Инстаграме! Тая умудрялась отвечать на комменты, чистя при этом зубы другой рукой.

В результате чуть не грохнула телефон о раковину, чертыхнулась и, подняв глаза на зеркало, встретилась взглядом со своим отражением.

Если существует воплощение Снежной королевы в ран-

ней юности, то вот оно – хлопает бесцветными ресницами с той стороны зеркала. Черты лица симпатичные: аккуратный нос, пухлые губы и небесно-голубые глаза, белые ресницы и брови, фарфоровая кожа.

Как же люди одинаково реагируют на такую внешность.

Ахи и охи, одни и те же вопросы, даже зависть. Если на душе паршиво и нужно срочно поднять самооценку, можно гордо шагать в толпе по Невскому проспекту, содрав с головы шапку и распустив ослепительно-белые волосы по спине. Тогда проходящие мимо парни сворачивают на тебя шеи и вслед несутся привычные слова: «Ух ты, какая блондиночка!»

И не объяснять же всем подряд, что никакая ты не «блондиночка». Кто не родился альбиносом, тот не знает, каково жить в мире, если ты вылеплен из снега. Альбинизм – это полное отсутствие пигмента в организме, генетическая аномалия, которая встречается одна на двадцать тысяч. Хотя когда идешь по городским улицам, то кажется, что ты такая одна на пять миллионов…

– Тая, завтрак! – напомнил о себе реальный мир громким голосом и стуком в дверь.

– Иду, теть Рит!

Тая наскоро протерла телефон полотенцем от накапавшей на него зубной пасты и ринулась из ванной на кухню, в полутьме коридора чуть не споткнувшись об кота Бандита, который самозабвенно драл обои.

Кухня тесной хрущевки сейчас представляла собой жерло гремящего вулкана, где натужно ворчала кофеварка и бушевала тетка, носясь между табуретками и подоконником.

– Нет, я прекрасно помню, как ты испоганил мои лучшие годы! – возмущалась в телефон тетя Рита, и ее громоздкие серьги звенели в такт словам. – Ах, я сама виновата?! Ну и кто ты после этого… да подлец ты и козел, у меня просто слов нет!

– Всем, кто меня слышит, доброе утро. – Тая глянула на телефон, где только что на экране высветился полученный комментарий от Макса Громова: «Хорошо смотришься в Африке, snow girl!», и настроение прыгнуло сразу до небес.

– Микроволновка… завтрак, – бросив мимолетный взгляд на Таю, отозвалась на приветствие тетка. – Кофе – кофеварка… Да я не тебе! – крикнула она в телефон, откуда доносился бубнящий мужской голос. – Тебе только одно – поганец ты и козлина, жизнь мне испортил, теперь хочешь квартиру мою отобрать?!

– Теть, зачем ты йогурт-то в микроволновку запихала? – Тая выбросила в помойку скорчившееся и дымящееся нечто из пластмассы, достала из холодильника новый йогурт и занялась кофеваркой, которая шипела и требовала долить воды.

– Я тебя в порошок сотру, в пыль! Если только попробуешь заявиться в мою квартиру и на мою дачу! Да, на мою дачу, она мне досталась от матери! Ах, развалюха на отши-

бе?! Потому и развалюха, что ты там и гвоздя не вбил! Что-о-о?! – тетка Рита издала такой вопль, что кот, прижав уши, бросился из кухни наутек. – Только попробуй! Ты хочешь войны – ты ее получишь! Вот Таечка в люди выбьется, и тогда ты узнаешь! Вот тогда от тебя клочки полетят…

Тая вздохнула с досадой, поглядывая на тетку, которая сейчас яростно кричала в телефон.

Последний аргумент тети Риты был именно таким: «Вот Таисия выбьется в люди и…» Уж лучше бы тетка говорила что-то конкретное: «Вот Таисия скоро полетит в космос» или «Вот Таисия скоро получит Нобелевскую премию». Во всяком случае, это звучало гораздо понятнее, чем туманное: «выбьется в люди».

В мечтах тетки Тая с ее неземной внешностью была уже без пяти минут великой актрисой или супермоделью, к ногам которой упадут все принцы мира, и это мигом решит все теткины проблемы.

А проблем было много: бедная тетя Рита считала себя неудачницей во всем: в работе и в личной жизни.

Раза два в неделю она ругалась со своим бывшим – «недомужем», как называла его Тая. Теткина попытка устроить личную жизнь закончилась крахом лет десять назад. Теперь же ее терзала зависть к московской сестре Юлии Ивановне, которая преуспела в бизнесе, родила дочь, три раза развелась и каждое лето ездила в Италию со своим красавцем-тренером по фитнесу.

А вот Рите Ивановне не везло в соревновании по успешности с сестрой. Когда-то брошенное театральное училище терзало воспоминаниями о неудавшейся карьере великой драматической актрисы. Бизнес не давался, с мужем она развелась, о переезде в Москву не могло быть и речи. Поэтому теперь тетя Рита работала всего-навсего кассиршей в местном круглосуточном супермаркете: часто и в ночные смены. Зато по одному показателю ненавистную сестру она все-таки догнала: через несколько лет, как только у Юлии Ивановны появилась дочка, Маргарита Ивановна оформила опекунство над новорожденной.

«Всю жизнь ты у меня деньги клянчишь! – слышала Тая ругань тетки Юли, когда та приезжала в гости. – Думаешь, легко свой бизнес вести?! Ты же пробовала – не получилось, а? Взяла в аренду ларек и прогорела. Зато догнала меня, молодец! Машину разбила и ребенка тут же подобрала, девочку, потому что у меня дочка! Блондинку – раз моя светленькая! Еще и фамилию от родной матери ей дала – не свою. Темнич какая-то, тьфу! Не можешь ее финансово тянуть, так сдай в детдом…»

В этом месте Тая обычно врывалась посреди разговора, яростно кидаясь на защиту опекунши и доказывая, что ее не надо никуда сдавать, они прекрасно живут, а злая тетя Юля им просто завидует. На этом скандал в непростом семействе обрывался: оскорбленная Юлия Ивановна вызывала такси до Пулково, а тетя Рита пила валерьянку на кухне, трагически

шмыгая носом.

И все-таки пусть тетка с кучей недостатков, но своя, родная. Даже если она отчаянно завидует своей московской сестре, клянчит у нее деньги, скандалит с несостоявшимся мужем и разводит в квартире свинарник. Даже если мажет губы кошмарной багровой помадой, красит волосы в иссиня-черный цвет и пытается выглядеть роковой женщиной, сидящей на кассе…

– Теть, я завтра планирую с ребятами погулять в центре, – Тая вздохнула, допивая кофе. – Можно допоздна?

– Что? Да, можно! – тетка на мгновение оторвалась от телефона, метнув безумный взгляд на Таю, и тут же переключилась обратно. – Это я не тебе! Тебе ничего нельзя, козел! Я из-за тебя на работу опаздываю! Ты просто мегакозел, среди козлов ты наикозлейший, вселенский козел!

– Наикозлейший звучит как царский титул для бедного дяди Шурика, – философски заметила Тая вслед тетке, которая уже выскочила из кухни.

В прихожей загремела связка ключей, хлопнула входная дверь.

Тая встала из-за стола и подошла к окну: понаблюдать, как внизу сердито ерзает теткина старая «Шкода», выворачиваясь с темного двора.

Ну, вот и начинается пятничное хмурое утро. С последнего этажа хрущевки, за разодранными котом кухонными занавесками, было видно, как тянутся от двора черные протали-

ны тротуаров, и сейчас, в восемь утра, над крышами соседних домов чахнет мутный питерский рассвет. Самое начало марта, и зиму будто запихнули в микроволновку и нажали на разморозку. Тротуары, деревья, дома: все тает и плывет, а весенний воздух, льющийся сквозь приоткрытую форточку, пахнет уличной тревожной сыростью.

Что-то металось в сумеречной мути над крышами: обычная городская ворона, только она как-то странно и нелепо летела, размахивая крыльями и хрипло каркая.

Тая проводила ее глазами, и едва ощутимый страх вдруг тонкой иголочкой уколол между лопаток. Будто эта незначительная мелочь была звеном какой-то невидимой цепи. Словно где-то далеко в космосе от одной из планет откололся огромный метеорит и летит к Земле. Этого никто в мире еще не знает – только в небе испуганно мечется одинокая птица…

«Глупости какие-то лезут в голову. И вообще, опаздываю в школу», – Тая, глянув на часы в телефоне, спохватилась и ринулась в прихожую собираться.

Стоило выйти на лестницу, как дверь напротив распахнулась и выбросила заряд вони от подгорелой каши.

На пороге появился синий пуховик, в нем одноклассница Ирка Елесина, а за ней ее мать, грузная Вера Павловна в застиранном халате с рыжими подсолнухами. «Веруша, наш общий доктор» – так называли ее за глаза соседи и Захар Палыч с первого этажа, который почти каждый день подни-

мался к ней пожаловаться на стариковское здоровье.

Решительная и шумная тетя Вера работала дежурным врачом в Василеостровском травмпункте, а в свободное от работы время бесплатно раздавала медицинские советы всем страждущим соседям и знакомым. Еще Иркина мать любила громко комментировать новости по телевизору, объясняя правительствам западных стран, что они дебилы, и их гнать надо поганой метлой.

Ирка и ее мама обе были чем-то похожи на колобков – полненькие, радостные и шумные.

– Здрасьте-теть-Вер-привет-Ирк, – на автомате выпалила Тая, возясь с ключами от квартиры.

– Таюсик, красотуля ты наша! – зычным голосом обрадовалась мать Ирки. – Пойдете с Иришей по лестнице, будьте осторожны – опять сидят… Вот из-за таких у меня на ночных дежурствах травмпункт переполнен с переломами и сотрясениями мозгов! – добавила она с вызовом, чтобы ее было слышно по всему подъезду.

– Мам, не шуми, – Ирка поморщилась. – Ну, сидят и сидят. Лучше не обращать внимания, у нас все время кто-то сидит на лестнице.

– Вот именно, что все время! – возмутилась Иркина мама. – У всех вокруг нормальные подъезды, везде кодовые замки. А у нас снова замок сломан, и каждый день отморозки торчат с утра до вечера! Захар Палыч сколько жалоб писал, я сколько звонила жаловаться – жэк уперся рогом, что

их это не касается. В полицию, говорят, звоните!

Тетя Вера мелкими шажками подкатилась к перилам, свесилась с них в лестничный пролет и пронзительно завопила:

– Когда себе руки-ноги переломаете, ко мне на работу не являйтесь! Бездельники, шпана, пшли вон! Я полицию вызову…

В ответ снизу раздался гулкий взрыв хохота, который начал эхом плясать по подъезду.

– Мам, если эти парни будут в курсе, что именно мы вызвали полицию, то нам подожгут дверь, – со знанием дела тихо предупредила Ирка. – Ну что ты там копаешься так долго, Темнич?

Тая выдернула ключи из замка и, сунув их в карман, ринулась вслед за подругой.

Лифта в хрущевке не было, поэтому спускаться с последнего этажа пришлось пешком, как раз мимо компании, которая невнятно гудела приглушенными голосами.

Тая окинула их быстрым взглядом: парней было четверо, всем лет по семнадцать-восемнадцать, рожи очень наглые, какие-то одинаковые по выражению. Яркие «кислотные» куртки, в руках банки с пивом.

– Привет, белобрысая, – развязно произнес один из них. Присев на подоконник, он намеренно вытянул ноги, загораживая девочкам дорогу, и ухмыльнулся, выжидая, что они будут делать.

– Чего такая сердитая, киса? – вдруг обратился он к Тае. –

В муку чихнула, типа?

– Отвали и дай пройти, – Тая уставилась на него убийственным взглядом, но парень даже не пошевелился.

– Копыта убрал! – решительно рявкнула Ирка, замахиваясь тяжелой сумкой.

Это сработало: наглец поджал ноги, и девушки прошли мимо с максимально суровыми лицами. Тая напряглась, спиной ощущая взгляды: зря не одела шапку. Наверняка ей сейчас пялятся вслед, сканируя жадными взглядами белоснежный водопад волос.

Обе с облегчением выдохнули, когда тугая дверь подъезда хлопнула и они оказались на улице, где сумрачное утро встретило неприветливым холодным ветром.

Васильевский остров не зря считается самым экстремальным районом в Питере. То его жителей сдувает, то затапливает, то на них в июне обрушивается дождь с градом или же с залива наползает густой туман. Сегодня небесная канцелярия радовала мерзкой моросью. Под подошвами как-то особенно зловеще чавкала снежная каша, будто живой, растекшийся под ногами монстр, который мечтает сожрать прохожих.

– Чего у вас опять стряслось-то? – Ирка заговорила первой. – Такие вопли, через дверь слышно. Про козлов, про войну…

– Моя тетка собирается начать межгалактическую войну с квантовыми козлами, – сострила Тая, жмурясь от летящего

в лицо дождя с ветром.

– Блин, как скучно я живу, – выдала Елесина свою любимую фразочку. – Вот скажи честно, Таська, как ты столько подписчиков в инсте собираешь? У тебя там куча народу, лайки получаешь сотнями, и ващ-ще… А у меня только десяток подписчиков наберется, и то кактус с подоконника больше лайкают, чем меня!

– Ты явно чахнешь от зависти к моей неземной красоте, – Тая подмигнула и весело пихнула подругу локтем.

– Я-то? – рассмеялась Ирка, сделав круглые глаза. – Да, мечтаю, чтобы за мной толпами таскались все обормоты нашего района. И лезли знакомиться. Это ведь кайфово так жить, да?

Этот вопрос ответа не ждал. Ирка свой человек, с первого класса. Вместе они прошли и детские ссоры, и примирения со слезами и подаренными игрушками. Прошли нервный холодок школьных контрольных, задушевные разговоры о Тайкином сиротстве и Иркину первую любовь к десятикласснику, когда она чуть не наглоталась таблеток, и Тае пришлось часами вести с ней беседы о смысле жизни.

– Эй, стойте! – послышалось позади.

К ним, шлепая по снежной каше, подбежала Дашка Романцова, одноклассница, которая жила в соседнем доме. В своем сером пальто Дашка была похожа на деловую мышку: остроносая, с тонкими губами, вечно изогнутыми в хитрой улыбке. – Ирк, Тайка! Прете обе как танки, ору вам – хоть

бы ухом повели… Темнич, классная фотка в инсте с утра! Красотка, ну слов нет…

– Да ла-адно, – снисходительно протянула Тая, поскольку к таким льстивым разговорам уже привыкла.

Разумеется, были в школе красивые девчонки, эффектные и рослые, только вот стоило Тае появиться где-нибудь, как все взгляды притягивались к ней.

Из-за такой внешности и абсолютно несоответствующей ей фамилии лавина насмешек всегда катилась за ней по пятам: каждому надо было обязательно съязвить, почему при белоснежной внешности у нее фамилия Темнич, и уж само собой поинтересоваться, не чихала ли она в муку.

Впрочем, к старшим классам насмешки преобразовались в любопытство, а потом и в восторги. Ребята начали замечать, что за Таей по улице обязательно ходит компания парней, нередко окликая ее и пытаясь познакомиться.

Но особенно подыграла популярности история двухгодовой давности, когда к ним в класс ввалилась группа телевизионщиков-иностранцев, чтобы снимать сюжет про современную российскую школу, и Таисия Темнич, сидящая за последней партой, сразу же привлекла их внимание.

– Ит из анриал! – громким гнусавым голосом восхищался лохматый американец-режиссер, не сводя с нее телекамеру. – Вери имаджинейшн… snow girl!

– Вы ее не смущайте, а то она растает! Ее же Тая зовут, а фамилия при этом Темнич, прикольно, гы-гы!!! – выдал то-

гда невыносимый Даня Бугаев, за что получил от Ирки портфелем по шее.

После этого Тая получила приглашение сняться в передаче про удивительную жизнь людей-альбиносов, на съемки которой решила не ходить. А вот лохматый режиссер еще долго звонил ей домой и приглашал на фотосессии и даже свидания, пока тетка не забила тревогу и не обратилась за помощью к соседке. Тогда мать Ирки, грозная тетя Вера подошла к телефону и на чудовищном английском пообещала незадачливому заокеанскому поклоннику «абонемент в травмпункт».

Киношники отцепились, зато о нереальной внешности Таи сии Темнич заговорила вся школа. Пользуясь неожиданной популярностью, Тая завела Инстаграм и блог, назвав себя snowgirl01032001. Успехом там пользовалось все: и селфи самой Таи, и фотографии ее кота, и почти каждое утро запечатленная чашка с ее кофе. Если уж капризный социум решил сменить насмешки на заинтересованность, почему бы этим не воспользоваться?

– Девки, я в скайп вам пишу-пишу как в рельсу! – продолжала возмущаться Дашка. – Макс же всех завтра на свою днюху позвал! План такой: рвануть на Невский, посидеть пожрать в «Галерее», потом в кино. «Проклятие призраков», в три дэ, а?!

– Невский, суши, призраки – супер, – Тая поежилась от сырого ветра, который порывами бросался в лицо. – Но у

меня с деньгами напряг. Еще за листовки не выплатили.

– Макс уже заранее сказал, что всех угощает, не грузись, – успокоила ее Ирка. – Порастрясем сыночка богатого папочки на суши и пирожные! Только не отмазывайся, что тебе завтра надо листовки у метро раздавать, окей?

– Завтра у меня выходной, а работаю я в воскресенье. А кто из наших идет?

– Я, само собой, – Дашка начала загибать пальцы. – Ты, Ирка, Леська обещала. Из парней – Бугаев, Гордеев, Макс… и еще Кошненкова упадет на хвост.

Тая поморщилась: Вероника Кошненкова ее терпеть не может и хамит, обзывая белой крысой.

– Таисия Темнич, – вдруг низким голосом выдала Дашка. – Мы же все прекрасно понимаем, что Макс затевает завтрашнее ради тебя. Он и провожать тебя пойдет, неужели не дошло? Не упусти своего шанса.

– Потом расскажешь, каково это – целоваться с самим Громовым, – поддела ее Ирка. – А то мой Бугаев такая зараза! Лапами своими как схватит, как йети какой-нибудь. А Макс – он воспитанный парень, да-а… Кстати, Таська, ты в курсах, что Кошненкова подкатывает к Максу? Смотри, если будешь носом вертеть, Громов вечно по тебе страдать не будет. Упустишь такого парня, он ведь – супер…

Они только что перебежали перекресток Наличной со Средним проспектом, едва успев на мигающий желтый. Поскольку Ирка с Дашей трещали наперебой и не обращали

внимания на окружающий мир, Тая решила убедиться, что за ними не повернула какая-нибудь ненормальная машина, обернулась и…

Ноги перестали идти.

Позади, в утренней синей мути, плыло огромное мертвое лицо. Два провала глаз и открытый в беззвучном крике рот: страшный лик плыл очень низко над землей и глазницы его то немного расходились, то приближались друг к другу. Челюсти двигались, будто крича что-то яростно и жутко…

Все это было как кошмарный сон, который внезапно нахлынул и окатил ледяным ужасом.

Тая продолжала стоять как истукан, оцепенела, и липкий страх пополз по спине. Еще секунда – и *это* окажется совсем близко… бежать?!

Она вскрикнула, уронив сумку, и отчаянно принялась тереть глаза кулаками. От этого ее чуть отпустило, и в помутненное сознание прорвался встревоженный голос Ирки:

– Тась, ты чего?! А?! – суетилась она, заглядывая подруге в лицо. – Тебе плохо?

– Ты сумку в грязь бросила! – вторила ей Даша. – Ты чего это?

– П-просто… голова закружилась, – Тая выдавила улыбку дрожащими губами. – Н-ничего, ерунда.

Никакого призрака уже не было и в помине: «мертвое лицо» прямо на глазах превратилось в несколько ярких курток прохожих, которые разошлись в разные стороны.

Зато с другой стороны подруг догоняли, причем не те отморозки с лестницы, а уже совсем другие.

– Эй, красава! – Один из них помахал рукой. – Как звать-то?..

– Надо уходить, опять к тебе приставать начинают, – Ирка дернула ее за руку. – Ты как, точно нормально?

– Цыпа! – развязно поддержал приятеля другой. – Давай знакомиться, че ломаешься?! Разговор к тебе есть…

Остальные двое громогласно и дебильно ржали, привлекая внимание прохожих, которые с неодобрением поглядывали на всю эту компанию.

Из груди вырвался вздох облегчения – страшное лицо лишь показалось, померещилось, как игра воображения…

– Кажется, сейчас у нас будут проблемы, – потянула за руку Даша. – Это они к тебе цепляются, Темнич.

Можно было не сомневаться, что Даша права: Тая снова имела успех у клинических идиотов, которые традиционно тащились за ней вчетвером.

Девчонки быстрым шагом рванули с места, и через пару поворотов впереди показалась школа, мигая в посветлевших уже сумерках желтыми прямоугольниками зажженных окон. Этот вид был очень кстати: немного прочищал мозги, отбивая все лишние мысли, кроме насущных школьных. К тому же позади все еще продолжала тащиться компания гопников, свистя и улюлюкая.

– Кисо, ну куда же ты?! – гнусавил позади противный го-

лос. – Стой, слышь?!

Девочки ускорили шаг, а потом перешли на бег и с визгом ворвались за кованую калитку школьного двора.

В вестибюле царила кутерьма – начальные и старшие классы переоблачались в сменку, закидывали куртки и шапки на крючки вешалок, вахтерша зычно гудела на пятиклашек, у которых шел бой портфелями по головам.

– Пал Семены-ыч! – выдохнула Даша, подлетая к охраннику, который курсировал по вестибюлю, красуясь синей новенькой формой с яркой эмблемой на рукавах и спине. – Там нас преследуют! Какие-то ненормальные… может даже, наркоманы! Что делать?!

– Р-разберемся, – молодцевато пророкотал Пал Семеныч, который явно был рад развеяться. – Без паники, девочки.

Переобувшись в сменку, Тая на несколько секунд задержалась у окна вестибюля. В утренних сумерках было видно, как охранник пересекал школьный двор неторопливой походкой уверенного в себе бульдога, узревшего нескольких облезлых котов.

Глава 2
Странности

Одиннадцатый «А» шумно ввалился в класс и начал копаться в сумках, проверять наличие шпор и прятать по карманам мобильные телефоны: то есть серьезно и вдумчиво начал готовиться к контрольному сочинению по литературе.

– Темы сочинения выбираем из тех, что я пишу, – чеканила русичка Алла Федоровна, аккуратным почерком выводя мелом строки на доске. – Итак, литература Серебряного века, ее символизм и задачи…

Все было стандартно и нервно: каждый доставал новую тетрадь, пробовал ручку – пишет ли.

– Темнич, ждем только вас, – донесся голос «русички» до Таи, занятой раскопками в сумке в поисках чистой тетради. – Вы меня слышите? – «Русичка» произнесла это громко, подойдя и остановившись напротив парты.

– К сочинению нужно было заранее подготовиться. А не устраивать вот это вот! – никогда не видавший маникюра палец Аллы Федоровны возмущенно указал в вываленную на парту кучу тетрадей и учебников.

– Да, извините… уже все нашла, – буркнула Тая, у которой до сих пор дрожали руки, а перед глазами прыгали цветные пятна.

«Русская литература начала XX века отразила пессимистическое, трагическое восприятие жизни писателями. Многие их произведения полны мистических предчувствий, ощущения надвигающейся катастрофы. Выдающийся русский писатель Александр Иванович Куприн также создавал свои рассказы и повести в это время…»

Рука выводила строчки на бумаге, мысли же были все еще там, на утреннем перекрестке.

Как можно было так испугаться неизвестно чего посреди города, когда подруги весело трещали рядом?

Паника и страх отхлынули, уступив место злости на себя.

Это же настоящая паническая атака, первый раз в жизни! Надо было сдержаться, не показывать девчонкам, что она может так позорно испугаться неизвестно чего.

Мертвое ужасное лицо призрака, с чего она так решила?! Увиденное было просто игрой воображения – глаза и рот были куртками случайных прохожих, а она увидела в них нечто другое, страшное. Всего лишь куртки и отблески фонарей… но каким образом ее сознание соединило это в дикий кошмар?!

«Галлюцинация – вот что это такое, – Тая терзала себя невеселыми мыслями. – Приехали в семнадцать лет, красавица и блогерша Таисия Темнич. На самом деле ты просто трусиха, истеричка и параноик! А если такой приступ паники случится во время экзамена на ЕГЭ?!»

Тая продолжала мысленно ругать себя, пока остальные шуршали авторучками по бумаге.

Сочинение не писалось. Мысли в голове прыгали, раздраженный взгляд русички то и дело натыкался на нее. И так было ясно, что за сочинение будет трояк. Или даже пара. И это перед самыми экзаменами… нет, надо успокоиться, срочно. Закрыть глаза и ровно, размеренно подышать. Раз-два, три-четыре…

Тая закрыла глаза, застыв со сжатой авторучкой в пальцах. Пестрая темнота замелькала под веками: отпечатки ламп на потолке, светлый негатив ровного прямоугольника доски. Только вот беспокоило размытое яркое пятно прямо посредине. Оно было чужеродным во всем этом мелькании и слишком четким, как будто она долго смотрела на что-то очень яркое. К тому же это пятно увеличивалось в размерах и будто приближалось, всплывая из темноты закрытых век.

Снова тот страшный лик, который так напугал ее на перекрестке!

– Ох ты, черт!

Тая, вскрикнув, подпрыгнула на стуле. Авторучки в пальцах уже не было – она катилась, меряя пол ребристыми боками. Вокруг раздавался смех, а глаза «русички» были похожи на готовые выстрелить дула пистолетов.

– Темнич, в чем дело?

Тая, стараясь даже не моргать, приросла к месту.

– Темнич, в чем дело? – Алла Федоровна повысила го-

лос. – Я задала вопрос, но не слышу ответа!

– Ни в чем, – Тая машинально взяла ручку, которую кто-то подобрал и протянул ей с соседней парты. – Извините, Алла Федоровна.

– Если вы себя плохо чувствуете, то можете сходить в медпункт, – слегка смягчилась русичка. – Но сочинение придется переписать в другой день.

– Да, я…

А что – да? Что говорить в медпункте медсестре, которая поставит градусник и начнет мерять давление? Рассказать про ужас, пережитый по дороге в школу, про страшное лицо, которое преследует, стоит только закрыть глаза? А самое главное – сейчас очень не хотелось оказаться в пустом коридоре в разгар урока, когда все сидят по классам. Пугал уже сам путь от дверей до медпункта в одиночестве…

– Темнич, да что с вами? – брови русички поползли вверх.

– Не нужно в медпункт, у меня все в порядке, – выдавила Тая деревянным голосом. – Просто не готова к сочинению.

– Во жжет! – раздался смешок Вероники Кошненковой из-за спины. – Что, Темнич, *эти* дни?

– Да иди ты… – раздраженно обернулась Тая и тут же услышала визг Аллы Федоровны.

Визг в общем-то был по делу. Экзамены для одиннадцатого класса были чем-то вроде неотвратимой горы, через которую надо перелезть, чтобы выбраться во взрослую жизнь.

– Забываете, что впереди единый государственный экза-

мен! – в заключение ко всей экзекуции добавила Алла Федоровна, тараща глаза как выброшенная на берег рыба. – Этот экзамен вам не шуточки, это ваш шанс на поступление в институт! И при таком отношении и поведении не стоит рассчитывать набрать проходные баллы!

– Тыдыщь, – прокомментировал невыносимый Данька Бугаев с задней парты. – Добро пожаловать в клуб тех, кого ждут баллы по ЕГЭ ниже плинтуса, неземная Таисия! Велком, с нами весело, у нас своя «атмосфэра»!

– Хватит болтовни, Бугаев! Сдаем сочинения и выходим! – рявкнула русичка, теряя терпение.

Исписанные листки ложились на стол, класс с облегчением вываливался в коридор, хотя предстояли еще алгебра, физика с физкультурой и напоследок отдых в виде астрономии.

Астрономию Тая любила, она казалась ей чем-то таинственным и прекрасно-далеким, и на этих полусонных уроках можно было помечтать до головокружения, представляя себе бесконечность мира. Когда учебный день дополз наконец-то до последнего урока и мультимедийная презентация на доске закрутила яркие космические пейзажи, ребята расслабились, а многие попросту спали на дальних партах, пользуясь полумраком в классе.

– Строение нашей Солнечной системы… – бормотал голос астрономички. – Дальний космос – это бесчисленное количество галактик. Погрузитесь в созерцание этой огромности, представьте только масштабы…

Тая была бы и рада погрузиться, но сейчас ей активно мешала Ирка, которая произошедшее утром уже переварила и выдала совершенно неожиданный результат.

– Таська… – шепотом пытала она. – Слушай, а чего срыв-то такой? Ты же всегда такая скрытная, мы-то откуда знали?! Что, из-за того, что Вероника подкатывает к Максу?

– Да при чем тут это, – так же шепотом отбивалась Тая. – Я разве хоть слово сказала?

– А мы типа не понимаем, – фыркнула с соседней парты Дашка. – Ты же как партизанка! Нет чтобы сразу правду родным подругам сказать…

Это было и смешно, и глупо: ее панику по дороге в школу и странное поведение на литературе истолковали как ревность из-за Макса. Хотя о какой ревности речь, если их с Громовым роман еще даже не успел начаться?

Тая бросила заинтересованный взгляд на сидящего впереди слегка сутулого парня с чуть длинноносым профилем – предмет жгучего интереса подавляющего девчоночьего большинства.

Макс перешел в их школу полгода назад: перевелся из-за каких-то событий в семье или же «личной любовной драмы», как утверждала вечно все знающая Ирка. Всегда спокойный и даже чуть высокомерный, всегда одетый в идеально отглаженную белую рубашку и темные джинсы, Макс Громов покорил все женские сердца на первом же уроке физкультуры, показав, как надо играть в волейбол. Несмотря

на то что Макс выглядел худее и щуплее остальных парней в классе, он вел себя увереннее. Да и учился без усилий на «отлично». Легко завоевал уважение у ребят, а сделать это к концу школы, когда отношения уже сложились, было практически нереально. Вообще, в понимании Таи, друзей у Громова было даже слишком много. Они всегда вертелись у школьного двора: то ли компания из прежней школы, то ли знакомые из будущего института.

А вот девушки у Макса не было: этот важный вопрос Ирка с Дашей выяснили на следующий же день после той знаменательной тренировки по волейболу, когда меткие броски новенького произвели неизгладимое впечатление на весь одиннадцатый «А». Прозондировав фотографии и блог Громова в соцсетях, девчонки загорелись надеждой: если парень и сходил с ума, то по спортивным машинам.

Но девушки одиннадцатого «А» напрасно интересовались худощавым таинственным незнакомцем: уже к Новому году стало ясно, что новенький «запал на экзотику», как зло выражалась Кошненкова. Макс подписался на Таин Инстаграм, едко комментировал ее фото с кофейными чашками, здоровался в школьных коридорах и пару раз в столовой садился рядом, пытаясь завести разговор.

Тая же и радовалась, и немного боялась. Радовалась, что впервые за семнадцать лет на нее обратил внимание нормальный парень. И боялась, что не знает, как себя вести, чтобы не оттолкнуть, – ведь даже целоваться ей до сих пор не

приходилось. Да и о какой романтике, свиданиях и поцелуях могла быть речь, если, выходя из дома, ей приходилось видеть только противные рожи, слышать свист и вопли вслед? Вот что значит издержки необычной и слишком яркой внешности…

Но завтра должно что-то сдвинуться с мертвой точки: Макс позвал ребят из класса на свой день рождения, и, как говорит умудренная жизнью Ирка Елесина, затевается все это действо с поеданием суши и проматыванием громовских денег только ради Тайки.

– Ну? – Дашка умоляюще впилась в нее глазами. – Таечка, ну колись уже!

– Из-за Макса сорвалась? – шепотом вопрошала Ирка, хлопая круглыми глазами.

«А может, так и лучше, – решила вдруг Тая. – Не выкладывать же подругам всю историю про нервный припадок. Решат, что я свихнулась, если расскажу про кошмар, который мне с утра мерещится…»

– Да, – Тая сдалась, деланно смутившись. – Да, из-за Макса. Позор на мою седую голову. Довольны, мамаши?

– Йес! – Дашка подпрыгнула на стуле и тут же навлекла на себя гнев астрономички.

– Елесина, Романцова и Темнич, я вижу, вам совершенно неинтересно строение Вселенной и дальний космос? – оскорбленно выдала та. – То есть я тут трачу свое время, показываю презентации, а вы даже не желаете меня слушать?

– Темнич выделывается, – хохотнул Бугаев. – Потом в Инстаграм выложит похохмить: «Френды, я рушу основы Вселенной…»

Бугаев получил заслуженный нагоняй от преподши, дальний космос на доске погас, и класс с облегчением вываливался в коридор, радуясь концу учебного дня. На носу были долгожданные выходные.

«Выхи», «отоспаться», «ЕГЭ», «завтра оторвемся» – все это крутилось каруселью в голове, пока Тая в компании подруг добиралась от школы до дома. Отвечала девчонкам на автопилоте, смеялась и месила сапогами талый снег, радуясь, что ни на минуту не останется одна. Только вот старалась лишний раз не смотреть по сторонам и не оглядываться.

К счастью, их больше не преследовали и на лестнице уже никто не сидел: странная компания исчезла в неизвестном направлении.

Дома обнаружились вечерние гости: в прихожей встретил мокрый зонт, под которым сейчас прятался Бандит, а с кухни доносились голоса. Гудел соседский басок Веры Павлов-

ны, тетка Рита что-то отвечала. Такие задушевные беседы частенько происходили по пятницам перед выходными, и из чайных чашек попахивало коньяком.

– Ты, главное, не сдавайся, Ритуля! Жизнь бьет – а ты давай сдачи! – увещевала тетя Вера, не уточняя, каким образом можно «давать сдачи» самой жизни.

Сейчас разговор еще не достиг нужной стадии, когда можно задать интересующий вопрос, и Тая решила подождать, встав под дверью кухни и напряженно прислушиваясь.

– Вот у сестры моей, Юльки, чем у нее жизнь лучше? – тетка вздохнула. – Подумаешь, Москва. Питер не хуже этой ее Москвы. Захочу – в Эрмитаж пойду. Захочу – в Третьяковку.

– Да, Третьяковка, – вздохнула тетя Вера. – А разве она не в Москве? Я точно не помню, сама в музее последний раз на школьной экскурсии была. Не помню, правда, в каком…

– Она меня за человека не считает, смотрит как на грязь под ногами, – не слушая подругу, продолжала тетя Рита. – Да, торчу сутками на кассе, перспектив – ноль. По заграницам, как она, не езжу, дорогие шмотки только снятся, машине моей уже пятнадцать лет. Она в такую даже не сядет, ей противно! Она ее называет «это ржавое ведро».

– Не в деньгах счастье, – ответила тетя Вера. – Она-то думала, что ее Дашка вырастет, человеком будет. А вышло наоборот! От рук ее девка отбилась, двадцать лет ей уже, а мозгов нету. Только за своим парнем бегает. Из института ее с

треском – БАЦ!

– Вот! – тетя Рита гордо вскинула подбородок. – Как говорится, цыплят по осени считают. Я вот на Таечку очень рассчитываю. С такой внешностью ей одна дорога – хорошо в жизни устроиться. Найдет себе богатого, а Юлька со своей Москвой и деньгами удавится от злости! – в голосе тетки послышалась непреклонная уверенность, и Тая поморщилась. Мечты тетки о деньгах и принцах вызывали аллергию, но спорить было бесполезно: уж лучше этих тем просто избегать.

– Замуж выйдет за олигарха как минимум, – яростно подтвердила тетя Вера. – И тебя вытащит, поможет из нищеты выбраться. Ей по жизни повезет ого-го как. Раз уж в той страшной аварии выжила…

– Не сглазь, – вздохнула тетя Рита. – Как вспомню ту историю, будто вчера все произошло. Да-а…

Вот сейчас – пора.

Толкнув дверь, Тая шагнула в полутемную кухню, где кружевной абажур над столом рисовал таинственные световые узоры на клеенке.

– Здра-асьте. Чай пьете, да?

– Чай-чай, – быстро среагировала тетя Вера, почему-то смутившись, и добавила: – С тортиком. Будешь торт, Таюсик? Ореховый, сегодняшний, пациент один благодарный мне принес и подарил. Попадаются же у меня раз в год нормальные больные со сломанными ребрами…

– Не-а, спасибо. Я фигуру берегу.

– Фигура, хм… – опечалилась чему-то тетя Вера, вздохнув всем своим грузным телом.

– Можно мне еще раз про ту историю послушать? – сразу перешла к делу Тая. – Теть Рит, ты же начала рассказывать про мое спасение, как все было в ту ночь, ну и так далее.

Рассказывать «ту историю» тетя Рита действительно любила, и не меньше, чем проклинать заносчивую сестру или перемывать кости дяде Шурику.

Обычно начав разговор на тему давно прошедших событий, тетя Рита уже с пути не собьется – любимая тема. Историю своего спасения и удочерения Тая слышала тысячу раз, но сейчас можно будет задать несколько важных вопросов, актуальных с сегодняшнего утра.

– Могу и рассказать, лишний раз разбередить старые раны, – с охотой согласилась тетя Рита, сделав выражение лица таким, будто она готовилась сыграть «Гамлета» на сцене БДТ. – Страшно сказать, шестнадцать лет назад это было. Жизнь у меня только начиналась, и все как по маслу шло. Сестра моя Юлька мне в подметки не годилась, она только завидовала, я ведь ее младше на два года. А я в Москву переехала, поступила в театральный, жених у меня московский появился: цветы охапками, конфеты. Маргарет, говорил, ты для меня всё! Любовь всей жизни я для него. Свадьбу мы уже готовили, уже день был назначен. Машину купили, я права получила, обожала водить! И вот в тот день… – тетя Рита

обвела медленным взглядом кухню, будто смотрела в зрительный зал со сцены. – Качу по Кутузовскому на машине, ночью. И вдруг… Врезается в меня машина! Не я в нее – она в меня! БАЦ! Только скрежет, грохот!!! Очухалась я… из машины вылезаю – груда железа дымится на асфальте. Женщина ничего сказать не может, а ребенок маленький кричит, надрывается! Она была за рулем, она врезалась – я ехала на зеленый! И что она шептала, ведь до сих пор помню! Точно помню каждое слово. Я ее спрашиваю – что случилось, как зовут вас, кому сообщить о вас? А она имя свое назвать не может, только шепчет – мол, оно идет за мной, оно по яви идет, и мой ребенок… потом что-то неразборчиво… На девочку показывает и говорит: «Тая, Тая…»

– Да-да, я знаю, меня так и назвали, как мать сказала, – поддержала рассказ Тая, решив сегодня не начинать тему про последние секунды жизни родной матери. Пусть совершенно ей незнакомой, даже чужой женщины, от которой не осталось ровным счетом ничего, кроме теткиных воспоминаний.

– Да, трагическая история, – сказала тетя Вера, из вежливости перестав жевать торт.

– Никто ни в чем так и не разобрался! – вытерев уголок глаза рукавом, продолжала тетя Рита. – Такая неразбериха была: скорая, пожарные, сирены… Оглядываюсь – ее и нет уже, увезли ее тело, наверное. А ребеночек один орет, надрывается. Я смотрю – такая девочка беленькая, волосы как

снег, а личико будто совсем без крови. Как мать ее нарекла, так я ее и записала – Таисия, ничего не стала менять. Ругалась с чинушами, скандалила, чтобы фамилию тоже по ее матери записали, по ее документам: Темнич. Потому как родную кровь надо уважать и помнить, я на роль родной матери не претендую. Эмилия Темнич мать звали, это-то мы точно выяснили потом, а отца – Вальтер. Иностранец какой-то отец был, видимо, потому так и не появился ни разу. Искали его по всем инстанциям, но без толку. А отчество-то как девочке записывать? Чиновники уперлись и записали как Валентиновна. Ну, хотя бы так…

– Хотя бы так, – задумчиво согласилась тетя Вера. – Правильно ты все сделала, Ритуля, чтобы тяжести на душе твоей не было.

– Да какая там тяжесть… После той истории жениха моего московского как корова языком слизнула, – вздохнула тетя Рита. – Перепугался, что я ребенка себе чужого беру. Все под откос понеслось. Из института я вылетела, не смогла в одиночку тянуть малышку, вернулась в родной город. Попытка выйти замуж снова – сами знаете чем закончилась.

– Не переживай, Ритуль, – понимающе вздохнула тетя Вера, закусывая тортиком. – У меня ведь тоже жизнь не сахар. Бывает, ночью в травмпункт приползут алкаши, бомжи… и лечи им вывихнутые и сломанные ноги-руки. А куда денешься, если твоя работа – таких вот лечить? Спрашиваю – зачем ты туда полез, идиот?! Тьфу… – Вера Павловна сокрушенно

покачала головой.

– Теть Рит, а у меня травм головы не было при той аварии? – поторопилась вклиниться Тая, пока разговор не ушел далеко от темы.

– Травмы головы? – тетя Рита переглянулась с соседкой. – Нет, никаких травм у тебя точно не было! А если б и были, сразу бы в больнице тревогу подняли.

– А в медкарте, когда ее заполняли, у меня никаких наследственных болячек не записано? – не отставала Тая.

– Каких еще болячек? – опешила тетя Рита, и Иркина мамаша, почуяв родной медицинский вопрос, тут же встряла.

– Таюсик, да что за мысли-то у тебя?! – возмущенно загудела Вера Павловна. – В больнице ты сразу после аварии прошла полное обследование, рентген тебе сделали, все как положено. А почему ты вдруг спрашиваешь? – прищурилась она с подозрением.

– Да я так просто… в медпункте школьном анкету заполняла, – выкрутилась Тая. – Ладно, я спать.

– Иди-иди, деточка, – закивала тетя Вера. – Спокойной тебе ночи. И мысли плохие выкинь из головы – не было у тебя никаких травм, все у тебя будет хорошо. А мы тут еще посидим.

Раздался звук чокающихся чашек, и дальше в полутемной кухне слушать было уже нечего, разве что жалобы на разбитую теткину жизнь и грядущие смутные надежды. Оставив тетку с соседкой приканчивать остатки торта и бутылку ко-

ньяка, разлитую по чайным чашкам, Тая долго возилась в ванной, решив помыть голову.

Потом долго расчесывала мокрые волосы, подстригала ногти на ногах и красила их лаком. Короче, делала все, чтобы затянуть момент, когда нужно лечь в кровать и попытаться заснуть, потому что очень не хотелось закрывать глаза.

И все же этот момент настал – ведь если не лечь спать даже в три часа ночи, то завтра до посиделок в Галерее можно вообще не дойти. К тому же выход был найден: оставить на ночь полностью включенным свет в комнате, даже яркую галогеновую лампу на столе.

«Травм у меня, может, и не было, но вдруг я схожу с ума, – с тоской думала Тая. – Вот так и начинается, с мелочи. Игра теней в утренних сумерках на перекрестке, а я чуть было не умерла от ужаса…»

Про заваленное сочинение на литературе вспоминать было тошно и стыдно. Ведь готова была к этому сочинению, написала бы на «отлично», если бы не срыв на пустом месте.

А вдруг это действительно наследственное? Ведь что она вообще знает о своей погибшей семье и о себе?

Только то, что шестнадцать лет назад мать летела на машине со скоростью под двести по центру Москвы и разбилась там. Звали ее Эмилия Темнич, и единственным наследством от родителей была ее немного странная, но звучная фамилия. Не превысила бы скорость – осталась бы жива. И жизни стольких людей сложились бы иначе. Тетка Рита иг-

рала бы сейчас роли в театре или в кино, была бы замужем и счастлива в своей московской насыщенной событиями жизни. А она, Тая, росла бы с родителями.

Отец вообще после аварии не появился, хотя полиция искала его очень долго. Перед смертью мать даже не смогла назвать свое имя, зато шептала о чем-то неотвратимом, тетка Рита до сих пор об этом вспоминает дрожащим голосом. Очень может быть, что у матери перед аварией был нервный срыв, депрессия и мания преследования.

> «Моя мать кричала перед смертью: „Оно идет за мной по яви!“ Что это могло значить, что „оно“ и по какой такой „яви“?
>
> Рассудок у моей матери мог помутиться от удара. А если он помутился гораздо раньше, и мать была не в себе, потому и врезалась в машину тети Риты? Тогда получается, что мне с утра сегодня мерещится всякая дрянь не просто так. А если это наследственность, психическое отклонение?!»

Рука потянулась к планшету: найти по поиску первые симптомы наследственных нервных заболеваний. И – отдернулась.

Да, конечно, найдет она их, причем все и сразу. Любой медицинский сайт в Интернете убедит в наличии всех симптомов, поставит тебе кучу пугающих диагнозов.

От этой мысли Тае стало совсем плохо, и она сделала то, что много лет подряд делала в любой непонятной для себя

ситуации – начала набирать знакомый номер.

Ирка долго не отвечала, потом послышался сонный недовольный голос.

– Ну?..

– Ир, не спишь?

– Сплю вообще-то, – сердито отозвалась Ирка, отчаянно зевая. – Мать у вас сидит, так хоть телик из кухни не орет, поспать можно. Точнее, мне так казалось, – сварливо добавила она.

– Слушай, с тобой никогда не было такого, что пугаешься чего-то на пустом месте? Вдруг раз – и мерещится такое, что… что думаешь о себе всякую ерунду.

– Что, например?

– Будто тебя преследует что-то, чего ты не можешь увидеть, – попыталась объяснить Тая. – Непонятное что-то. Оборачиваешься посреди города – вокруг машины, люди… а тебе страшно.

– Тась, иди спать и не выноси мне мозг своими заскоками, – сердито попросила Ирка. – После пяти контрош за неделю я вчера полночи висела на Ютубе и лечила нервы котами.

А завтра мне еще переться к репетитору по русскому, а оттуда галопом на тусню…

– Ир, я же серьезно спросила.

– У тебя просто срыв от учебы, поэтому завтра будем отрываться на полную катушку, – в трубке послышался зевок. –

А если меня и преследует страшное – так это слово «ЕГЭ», вот что меня убивает. Мне в кошмарах снится, что я его завалила и лечу мимо своего Лесотехнического.

– Да, понимаю… Извини, Ир, до завтра. – Тая сбросила звонок.

И все-таки сонная и рассерженная Ирка привела ее в чувство лучше любого средства от нервов. Очень вовремя вспомнились слова про самый верный способ лекарства от стресса. Коты!

Тая прыгнула в кровать, лихорадочно схватила телефон и жадно погрузилась в недра Ютуба, закинув ноги на стенку шкафа. На экране появились коты. Ютубовские коты: орущие, прыгающие, дерущиеся.

Да здравствуют коты! До полного одурения и хоть до самого утра, лишь бы не думать о другом.

Глава 3
«Галерея»

«Галерея», огромный торговый комплекс в самом конце Невского проспекта, в субботу была забита народом.

Столик, который в этом безумном муравейнике в выходные очень трудно найти свободным, ребята уже заняли: Тая сразу увидела знакомые затылки, русую Вероникину волну волос на красной куртке, синюю куртку Макса и его надменный, слегка длинноносый профиль.

«Свои» уже угощались и встретили Таю с Дашкой радостными возгласами и поднятыми стаканами. Командовала тут сейчас Ирка, и ее зычный голос слышно было издалека.

– Эй, мы тут стулья свободные для вас держим, пока вы с Романцовой улитками ползли! – раскрасневшаяся Ирка захлопала в ладоши. – Ура! Темнич с нами!!!

Тая, громко здороваясь с одноклассниками, перехватила заинтересованный взгляд Макса. И стул около Громова, заваленный куртками, вдруг оказался свободен, когда тот сгреб их в охапку и перекинул Бугаеву.

– Итак, господа жельтмены и дамы… сегодняшняя программа! – тоном хозяина деловито распоряжался Макс. – В гриле есть отличные стейки, рекомендую. Пиццу сейчас принесут, но кое-кто захочет и суши. Таисия?

– Суши, – Тая решительно кивнула.

– Бигмак и пирожные! – выкрикнула Ирка, начисто позабыв про все свои героические диеты, которые всегда заканчивались, стоило Ирке проголодаться. – И саке горячее!

– Саке-е?! – протянул Макс с хитрой улыбкой. – Ого, девочки настроены серьезно! Но у меня предложение получше – глинтвейн!

Спустя полчаса праздник был в полном разгаре: их компания была самой шумной, а Ирка вопила и хохотала больше всех.

– За семнадцать громовских лет! – гаркнул Бугаев. – Ура-а!

– И за Таисию, самую зимнюю девушку в этом городе! – тут же предложил Макс, поднимая стакан.

Тая смеялась, ловила заинтересованные взгляды Макса, подмигивания Ирки с Дашей, видела, как криво улыбается Кошненкова. Все-таки непонятно, и зачем она пришла?

Будто уловив эту Тайкину мысль, Кошненкова раскрыла рот.

– Видела твою последнюю фоточку в Инстаграме под названием «френды, я в Африке и скоро растаю», – Вероника говорила это с милой улыбкой змеи. – Столько лайков, столько комментов. Говорят, тебе просто по улице пройти невозможно, сразу парни цепляются и прохода не дают. Корона не жмет, Темнич?

– В самый раз, – Тая оборвала ростки зависти на корню, что всегда нужно делать вовремя, чтобы не потерять по-

друг. – А фоточка скорее ироническая. Куда уж тебе знать, что в Африке на альбиносов охотятся, а их тела считаются магическими амулетами.

– О-о, прекрасно, теперь я в курсе! – заулыбалась Кошненкова. – Так надо ж подарить тебе туда путевку!

– Я ее не пущу ни в какую Африку! – вмешалась Ирка, которая усиленно налегала на пирожные и не уловила смысл перепалки. – Ей в Лесотехнический надо поступать, вместе со мной, мне что – без подруги куковать на лекциях?

– Ку-ку, Елесина! – громко заржал Бугаев, пытаясь обнять Ирку. – Ку-ку!

Началась потасовка: Елесина с Бугаевым начали пихаться, пока Бугаев не скатился со стула и не вызвал приступ веселья у окружающих.

– Ты сама-то уже решила, куда поступаешь? – Макс подмигнул Тае. – Или за тебя уже все решено?

– Не-а, – Тая с наслаждением жевала «филадельфию», обмакивая ее в соевый соус и аккуратно укладывая сверху розовые ломтики имбиря. – По моим низким баллам ЕГЭ будет видно. У меня с физикой и математикой всегда плохо, я гуманитарий. Короче, куда возьмут.

– Ну, стать-то ты кем хочешь? – не отставал Громов.

– Астрономом, буду изучать движение планет по орбитам, – она брякнула первое, что пришло в голову. – А ты?

– Астрономиха Таисия? – громко перебила Вероника, вдруг уставилась в стакан, сделав страшное лицо и вытара-

щив глаза. – В моей утренней чашке с кофе отразилась новая звезда, я открыла новую звезду, я порву всех! Наберу миллиард лайков! – Вероника ехидно рассмеялась. – Это я твое будущее изображаю, Темнич…

– А ты сам-то, Громов, куда собрался после школы? – оборвала ее Ирка. – А то тихаришься, а потом бац – и в универ.

– Покруче универа, – Макс горделиво усмехнулся. – Пойду прямой дорогой по стопам отца. Он завкафедрой физики в ИТМО, так что…

– У-у, ну тогда вопрос снимается, – Елесина состроила торжественно-многозначительную рожицу. – Когда папаша – большая шишка в вузе, с поступлением уже проблем не будет. Да и ЕГЭ сдавать не так страшно, как простым смертным вроде нас с Тайкой.

– Тая может спокойно заваливать экзамен, на кафедру моего отца ее примут, если она захочет, – неожиданно выдал Макс, и Тая чуть не подавилась после такого заявления и долго кашляла, стараясь подавить смущение.

– Ва-ау, – только и выдала потрясенная Елесина, и Тайкина нога вдруг получила ощутимый пинок от Иркиного сапога под столом.

Это означало высшую степень восторга, из-за которой теперь под коленкой пульсировала боль.

«Наверное, ждет, что я от счастья грохнусь в обморок, – Тая с легким раздражением посмотрела на довольного собой Макса, который наслаждался произведенным впечатле-

нием. – Подумаешь, папа у него в институте на кафедре. Папенькин сынок, заносчивый и самовлюбленный… А вот у меня отца вообще нет, и ничего, живу как-то».

– Спасибо, но я лучше своими силами, – Тая гордо тряхнула белой челкой. – Хотя если тебе, Громов, понадобится протекция моей тетки – обращайся, всегда пожалуйста. Она ведущий кассир в нашем супермаркете. Один раз рявкнет: «Лида-а, ключи на тринадцатую кассу!» – и тебя возьмут даже в Йель с Оксфордом…

Шутку оценили, Макс не обиделся, даже рассмеялся, показав в знак одобрения большой палец.

– Эй, коза! – вдруг донеслось из-за соседнего столика. – Красава, пошли с нами!

Тая призыв проигнорировала, зато обернулась Вероника, сразу собрав град насмешек.

– Да не ты! – фыркнули из-за спины. – Не ты, а та, с белыми волосами…

Теперь уже обернулась и Тая, увидев компанию незнакомых и крайне неприятных типов. Отметила про себя, что жевали они синхронно, поднимая вилки тоже синхронно, при этом не сводя с нее глаз.

– Эй, красава, как жизня? – вдруг прогнусавил один из них, скомкал салфетку и, зашвырнув в сторону Тайки, метко попал прямиком в ее стакан.

– А по шее?! А ну пшел вон… – грозно выдал вдруг Громов, и они на пару с Бугаевым загрохотали стульями, подни-

маясь из-за стола.

В глазах противников отразился восторг предстоящей драки, они охотно и даже радостно повскакивали со стульев.

– Ребят, спокойно! Да вы что, только скандала тут не хватало! – перепугались девчонки, а Ирка повисла на Бугаеве, чуть не оторвав ему рукав куртки.

– Да вы что! Это ерунда, я уже выбрасывать этот стакан собралась… – Тая обеспокоенно схватилась за локоть Макса, и тот одарил ее снисходительным взглядом, учтиво перехватив ее ладонь.

Киносеанс начался очень вовремя: поток людей, которые ринулись в кинозал, прервал начало конфликта, и отморозки растворились в толпе. Тая, очутившись в мягком кресле посреди кинозала, ощутила едва заметный укол тревоги, когда свет начал медленно гаснуть. Сейчас она бы предпочла любую комедию, даже тупую: все будет лучше фильма про призраков.

«Никаких ужасов сегодня мне не мерещится, – мысленно уговаривала себя Тая. – Прошло ведь? Прошло. И хватит об этом вспоминать».

Тая скосила глаза, разглядывая длинную и худую ладонь Макса, лежащую на подлокотнике кресла. Нагло обниматься не лезет, это плюс или минус? Сегодня Громов так открыто, при всех, демонстрировал свое особенное к ней отношение. Взять и вот так с ходу предложить ей поступать на кафедру отца, прямо сказать о поддержке и протекции! Ей, разуме-

ется, это не нужно, пользоваться она этим не будет, вот еще. Просто интересно вдруг узнать, что парень настолько заинтересован в ней…

– После фильма приглашаю в гости, тут недалеко, – заметив ее взгляд, прошептал вдруг Макс. – Познакомишься с моей семьей, поужинаем… согласна?

– Ну… я не знаю… поздно уже к вам идти… – замялась Тая. – Да и как-то неудобно.

– Очень даже удобно, – принялся уговаривать Макс. – Да не бойся ты, не съедят. У меня классные родители. Тебя очень ждут.

– Ждут – меня? Но они же меня не знают.

– Знают, я же рассказывал про тебя, – успокоил Громов. – Да не бойся ты. Да? – и, не дождавшись ответа, добавил: – Всё, идем – решено.

«Решено» – как это было уверенно сказано. Странно, что этот худой и даже чуть щуплый на вид парнишка проявляет такую настойчивость. Девчонки их класса считают Макса крутым, парни как-то сразу приняли за своего, и, что самое главное, – это первый нормальный парень, который обратил на нее внимание. Не гопник с лестницы и не приставучий продюсер-американец, а – нормальный. А вдруг это и есть то самое, настоящее… любовь?

Когда приходит ОН – сильный, который готов решить все за нее, даже ее будущее поступление в институт! Который ради нее затеял этот сегодняшний праздник, не пожалел де-

нег на еще малознакомых ему ребят. И это так странно и старомодно, что он зовет ее знакомиться со своими родителями.

«Но если это профессорская семья, то там так принято, наверное, – подумав, решила Тая. – Прежде чем начать встречаться с девушкой, профессорский сын представляет ее своей семье и приглашает на обед. М-да, я в фильмах видела такие сюжеты, кошмарный позор за столом, куда-то надо деть руки, и обязательно что-нибудь ляпнешь не то…»

Воображение услужливо нарисовало сцену, где седой и важный профессор с ужасом наблюдает за неотесанной Таисией Темнич, не способной отличить вилку для крабов от вилки для устриц.

Тая совершенно не следила за мельканием бледных испуганных лиц в далеком американском доме, размышляя о неожиданном приглашении на ужин, и о том, стоит ли ей отказаться. Фильм закончился, и Лиговский проспект встретил весенними сумерками.

– А теперь – ночной клуб! – орала неугомонная Ирка, пританцовывая на месте. – Танцы до утра! Ребят, весна же на носу! А? Таська, Громов, вы с нами?!

– Я Таисию увожу в гости, знакомить с родителями, – заявил Макс, не дав той открыть рот. – Так что отрывайтесь на полную катушку за нас с ней. Справитесь?

– С… родителями?! – ахнула Ирка, состроив такую рожу, что Тая поморщилась, сразу представив, что творится у Ир-

ки в голове. Как минимум там сейчас протрезвонили первые аккорды свадебного Марша Мендельсона.

К счастью, Бугаев сгреб Елесину в охапку и потащил куда-то в сторону площади Восстания, где их ждал клуб и веселое продолжение субботы. Остальные, распрощавшись до понедельника, ринулись следом.

Невский стелился под ногами блестящим от огней асфальтом, и Тая, шагая рядом с Максом, терзалась мыслью, что сейчас зачем-то идет в гости к незнакомым людям.

Там ее ждет ужин, на который она не напрашивалась – а ее будто заставили, втягивали туда, куда она так стеснялась, даже боялась идти. Отец Макса – профессор на кафедре, наверняка дома у них все заведено как-то торжественно и строго. Совсем не так, как в хрущевке ее тетки, одинокой неудачливой кассирши…

– Чего-то ты напряженная, – заметил Макс. – Как тебе киношка, понравилась?

– Я не люблю ужастики, – призналась Тая. – А тебе? Страшно было?

– Ерунда, – Макс пожал плечами. – Я на такие фильмы хожу как на комедии… отдохнуть, развеяться.

– То есть бегал бы призрак такой, как в фильме, по твоей квартире, ты бы и глазом не моргнул? – тон у Таи получился почти беззаботным, хотя сердце неприятно кольнуло воспоминание о собственном недавнем страхе.

– Потусторонняя сила в мой дом не войдет, он защищен, –

вдруг заявил Макс очень серьезным тоном.

– Потусторонняя сила? – уточнила Тая удивленно, пытаясь понять, шутит Громов или нет. – В смысле, ты во все это веришь, или…

– Или, – очень спокойно ответил Громов. – Каждый день с этим сталкиваюсь. По секрету: на страже моей квартиры стоят твари пострашнее, чем в этом фильме. По двое с каждой стороны входной двери! И моя мать выносит им по стакану воды за работу каждую полночь…

Макс, сделав страшные глаза, произнес это таким замогильным тоном, что Тая вдруг фыркнула и расхохоталась.

– Здорово! У тебя интересная семья. А что тогда твой отец преподает, на какой кафедре?

– Физика, но не простая, а демоническая, – в тон ей ответил Макс, вытаращив глаза и сделав страшное лицо.

– А у меня… – Тая развеселилась. – А у меня тоже… тетка постоянно смотрит «Битву экстрасенсов» и иногда вешает красные трусы на люстру, чтобы на работе премию получить!

Приступ смеха сразил обоих, и они остановились.

– А еще… А еще я недавно шла по улице, в школу. Елесина с Романцовой рядом, орут что-то, галдят. А я оборачиваюсь и вдруг вижу – такое! – Тая понимала, что ее занесло. Но рассказать о своих страхах вот так, со смехом, превратить все в шутку, в анекдот означало – избавиться навсегда. Во всяком случае, сейчас именно так и показалось. – И вижу – стра-ашное такое лицо! Как мертвое… А знаешь, чем это

оказалось?!

– Чем?! – Макс весело подмигнул. – Неужели наш физрук шел следом на работу?

– Точно! Не выспался наш Юр Саныч! – расхохоталась Тая. – Почему я сразу о нем не подумала?!

Они сейчас переходили перекресток Невского с Литейным, и Тая вдруг подумала, как хорошо и спокойно ей рядом с Максом, когда пережитый страх превращается в забавное происшествие, над которым можно так беззаботно смеяться.

– Интересно, а сейчас он тоже за мной следом идет?! – продолжала она веселиться, и уже собралась оглянуться, как вдруг ощутила, что ладонь Макса сжала ее плечо до боли.

– Нет, не оборачивайся, – сквозь зубы произнес Громов. – Не стоит этого делать.

– Что… – Тая по инерции все еще продолжала смеяться, пока не замолкла и не переспросила растерянно. – Ч-что?

– Я сказал, что не надо сейчас оборачиваться, – повторил Громов неожиданно раздраженным тоном. – Не нужно сейчас оборачиваться и видеть то, что тебя испугает до смерти…

Тая вдруг поняла, что он почти волоком тащит ее по улице, сжав за плечи и не давая ей вырваться. Да еще и капюшон куртки бесцеремонно напялил ей на голову.

– Да отпусти ты меня! – Тая рванулась в сторону и начала озираться по сторонам. Ничего особенного позади не было – просто Невский, размазанные по мокрому асфальту дорож-

ки от фонарей, размеренное мигание светофоров.

– Ты спятил, Громов? – Тая разозлилась. – Это что, шутки идиотские такие? Совсем не смешно…

– Да какие уж шутки, – оборвал ее Макс. – Просто не хочу приводить в гости особу в истерике и соплях.

– В какой еще истерике? Ты что, ненормальный?

– Не надо на меня орать, – вдруг отчеканил Макс очень жестким тоном. – Сейчас уже ничего не увидишь. Не собираюсь я тебе ничего рассказывать посреди дороги! Пойдем…

Макс собрался было схватить ее за руку, но Тая отпрыгнула назад, встревоженно разглядывая Громова. Ведь еще пять минут назад он был весел и шутил, а что с ним случилось так неожиданно?

«Ненормальный он! – пронеслось в голове. – Хорошо, что народу много вокруг. Если что – закричу».

– Не пойду я никуда с тобой, Громов. Ты чокнутый.

– Ах, я чокнутый, значит, – в голосе Макса послышалась злость. – Зато ты нормальная! Будешь делать вид, что тебе смешно, когда на самом деле дико страшно. Это когда ты идешь в веселой компании посреди города и вдруг на перекрестке оборачиваешься – и понимаешь, что за тобой следом идет беда. И ты одна с этой бедой, потому что больше никто не увидит и не поймет. А вот сейчас мне рассказала, чтобы посмеяться, вдруг легче станет, – выдал вдруг Громов. – Угадал?

Тая шумно вдохнула, стараясь сдержаться. Макс ведь

точь-в-точь повторил те слова, которые она высказала вчера Ирке Елесиной в минуту слабости и страха.

– Знаешь, роль победителя «Битвы экстрасенсов» у тебя как-то не очень получается. Жалею, что вообще с тобой куда-то пошла. Я домой, провожать не надо.

Отвернувшись, она бросилась в сторону, и вслед донеслось:

– Ты на волоске висишь, дура! Он уже идет за тобой, времени осталось в обрез…

– Пошел к черту! – Тая, увидев подкативший к остановке неподалеку троллейбус, ринулась к нему.

Ворвавшись внутрь пустого салона, она плюхнулась на одно из сидений позади. Внутри было тепло и пусто, а в карманах очень кстати нашлась мелочь. Толстая кондукторша, как очнувшаяся ото сна рыба, встрепенулась и неторопливо поплыла в ее сторону.

«Громов просто сектант какой-нибудь, – Тая, высыпая монеты в массивную ладонь кондукторши, даже радовалась ее такому обыкновенному и будничному виду. – А притворяется классным парнем, как его ребята-то уважают, просто непонятно даже, за что? А Ирка, как она могла все ему разболтать?! Я ведь поделилась с ней, а она…»

Что и говорить, единственное в жизни свидание закончилось мерзко и глупо.

Если этот позор вообще можно назвать свиданием. Сначала Громов заявил при всех, что его отец обеспечит ей по-

ступление в один из самых престижных университетов Питера, даже если она завалит ЕГЭ, а потом начал запугивать потусторонней ерундой, чтобы затащить к себе домой. Да еще и обозвал дурой.

Тая кипела от досады и возмущения, пока троллейбус медленной улиткой полз по Невскому, а потом пересекал Неву через Дворцовый мост.

Оставалось утешаться тем, что неудачные романы и свидания бывали не только у нее. Например, однажды Елесина, насмотревшись «Дневников вампира» в седьмом классе, понеслась на свидание с парнем, у которого был ник Деймон666.

Тайке с Дашей тогда пришлось околачиваться около входа в метро, делая вид, что они с Иркой незнакомы, и сгорая от любопытства, кто же придет. Но вместо рокового красавца к Ирке подрулил задохлик в плохо отглаженном черном костюме. Он почти два часа таскался с ней по району, спотыкался в темноте, сбрасывал с телефона звонки рассерженной мамы и напоследок попросил жетон на метро. Об этой истории Ирка говорить не любила.

«А Дашка в восьмом классе? – вспоминала Тая, глядя на темные улицы за окном троллейбуса. – Она же вообще из-за парня чуть не ринулась кидаться с крыши! Он ей написал на ее стене ВКонтакте, что она уродка! А ведь они целовались… Так я от нее не отходила, я всю душу вывернула, даже мать родная не стала бы с ней столько возиться! А теперь кто-

то из них доложил Громову про мои страхи. Это нечестно, некрасиво…»

Доехав до Наличной, Тая выскочила из троллейбуса и бегом бросилась к дому. Нужно было срочно высказать Елесиной все, что она думает о такой выходке, и Тая взлетела вихрем по лестнице и принялась звонить в соседскую дверь.

Открыло ей нечто, обмазанное жирным слоем крема и облепленное кружочками огурцов. Тая вздрогнула, не сразу вспомнив, что так Вера Павловна по вечерам наводит красоту.

– А Ира дома? – забыв поздороваться, выпалила Тая.

– Та-ак, – прогудела тетя Вера, изменяясь в лице так, что огурцы дружно шлепнулись на пол. – А я ей звонила только что, и она сказала, что вы с ней пошли на ночную экскурсию в Ботанический сад, там расцвели какие-то редкие пальмы. И что вернетесь первым автобусом на рассвете. И где она сейчас шляется? Будешь мне врать, что слушает лекции в Ботаническом саду, да?

– Между пальмами застряла, – пробормотала Тая, только сейчас вспомнив, что Ирка в данный момент отрывается в ночном клубе.

От наседающей на нее Веры Павловны пришлось пятиться обратно в свою квартиру и невежливо захлопнуть дверь прямо перед ее носом.

Тетка с работы еще не возвращалась: послонявшись по квартире, Тая зажгла зачем-то свет во всех комнатах, даже

в ванной. Включила на полную громкость телевизор, плотно задернула занавески, полезла в кухонные шкафы за кормом для Бандита, громко разговаривая с котом и грохоча жестяными банками.

Кот ел совершенно спокойно, не оглядываясь, а потом принялся усиленно умываться, сосредоточенно облизывая лапу. Вспомнились рассказы о котах и собаках, которые начинали метаться по квартире, если там проявлялось что-то сверхъестественное. Бандит, к счастью, оставался совершенно спокоен и сыт, в квартире было светло и даже шумно от телевизора, который вопил голосами «Уральских пельменей».

Решив пойти спать, Тая отправилась в ванную, намылила лицо, чтобы смыть косметику.

И вдруг… странное, неприятное ощущение нахлынуло невесть откуда, будто в спину кто-то посмотрел тяжелым взглядом.

В ванной никого больше не было, дверь-то на задвижку закрыта. Слышался только плеск воды, вопли телевизора и мяуканье Бандита, который царапался в дверь и требовал, чтобы с ним немедленно поиграли.

Это было глупо – поверить словам Громова и бояться неизвестно чего в совершенно пустой ванной, будто ощущая чье-то присутствие за спиной.

И все-таки слова Макса, которые он бросил ей вслед, вдруг всплыли в памяти.

«Он уже идет за тобой…»

Не выдержав, Тая резко выпрямилась и обернулась, таращa глаза на пустую ванную.

Ничего и никого.

Только висящие на крючках халаты: цветастый тети Риты и собственный темно-розовый, да еще ворох полотенец. Совершенно ничего, что может напугать: просто складки махровой ткани, в которых только человек со слишком богатым воображением мог увидеть чье-то страшное лицо. Мыло попало в глаза, в них остро защипало, и Тая, фыркая и вслух ругая себя, принялась умываться.

Глава 4
Страх

Воскресенье началось с гневного трезвона в дверь, который разорвал сонную тишину.

У тетки были ключи, да и прийти с ночного дежурства она должна была только около полудня. Поэтому Тая долго не вылезала из кровати, гадая, кто может ломиться в дверь в такую рань. Но этот кто-то настойчиво обрывал дверной звонок и не собирался уходить, поэтому пришлось вылезти из кровати и брести походкой зомби к двери, завернувшись в одеяло.

Растрепанная и красная как помидор, Ирка Елесина ворвалась в прихожую, оглушив ее возмущенным визгом.

– Спасибо тебе огромное, подруга! – завопила Ирка. – Сдала с потрохами меня матери, да?! Огромное тебе спасибо! И Дашку сдала, потому что моя мать позвонила ее родакам! А сама вся такая правильная, пай-девочка, домой явилась до полуночи… На мобилу мне позвонить ума не хватило?!

– Ир, не ори, – Тая поморщилась. – Прости, я не подумала.

– Не подумала она! – продолжала орать разъяренная Елесина. – А мы с Дашкой теперь в полном дерьме, у нас дома такое было, такое… Нас Бугаев в ночной клуб позвал… я что, должна все матери докладывать?! Да ты хоть знаешь,

чего я наслушалась?

– Ты бы хоть спросила, что у меня случилось! – начала защищаться Тая, пытаясь перекричать Елесину. – Громов этот мало того что психом оказался, так еще и…

– Ты просто… Предательница ты! – не слушая, орала Ирка. – Красотка, да?! Блондинка она, альбиноска она, только и слышно со всех сторон – ах, Таисия Темнич как фарфоровая статуэтка, ах, какая красота неземная… А я с моим весом восемьдесят кило рядом с тобой как бегемот! Вообще, мы с Дашкой как фон для тебя, нам достается внимание от парней только тогда, когда они понимают, что с тобой у них полная безнадега! Бугаев – вот всё, что мне светит, пока ты рядом!

– Елесина, ты обалдела? – вспылила Тая. – Да у тебя хоть Бугаев есть, а у меня ни одного романа в жизни не было до сих пор! С Громовым вообще позор. Зачем ты разболтала ему про мой срыв, я ведь только тебе одной рассказала! Он меня начал специально пугать, чтобы я домой к нему прибежала! Спасибо тебе за это…

– Ничего я ему не говорила, не ври! И к нам с Дашкой больше не подходи! – зло рыкнула Ирка, выбежала на лестницу и хлопнула дверью так, что с вешалки рухнула на пол теткина зимняя куртка.

Что и говорить, воскресенье началось так же отвратительно, как и закончилась вчерашняя суббота: со скандала и мерзкого настроения.

Остаток такого дня лучше бы пробездельничать дома, но

ждала подработка – раздавать листовки у метро. Деньги платили небольшие, но к теткиной зарплате это было необходимое подспорье бюджету – кроме карманных денег, без которых в семнадцать лет не проживешь, еще и оплата «коммуналки» за квартиру.

Завтракать, возиться с кофеваркой и обновлять свой блог в Инстаграме настроения уже не было. Покормив кота и наскоро глотнув растворимый кофе, Тая выскочила из дома.

Василеостровская станция метро – несуразная и вечно переполненная народом, а близлежащие к ней улицы, которые по-питерски назывались линиями, густо облеплены вывесками, кафе и всевозможными магазинами и салонами. В одном из таких салонов и ждала подработка: Тая поднялась в небольшой офис на втором этаже над салоном красоты «Блонди», где пахло парикмахерской, чужими мокрыми волосами и приторно-сладкими духами менеджера Лилии.

– Ага, Темнич явилась! Свои листовки получай, распишись… – Лилия заполняла ведомости со скоростью принтера. – И запомни: увидим больше десяти листовок в ближай-

шей урне – оплаты не будет.

– Но это же не я их выкидываю! – возмутилась Тая. – Многие берут и выбрасывают сразу…

– Ты просто бездарно их раздаешь. Улыбайся! – Лилия изобразила фальшивый оскал белых зубов в обрамлении яркой помады. – Но не парням, потому что они не наши клиенты. А то вечно к тебе прицепятся какие-нибудь гопники. Улыбайся женщинам с плохими прическами и говори, что ты только что вышла из нашего салона. И волосы распусти.

– Но это же вранье будет! Я не крашу волосы, я альбинос.

– Ой, все, иди работай, честная ты наша, – поморщилась Лилия. – И отгоняй своих вечных воздыхателей, а то распугивают клиентов от салона мерзкими рожами…

Тая, решив не вступать в перепалку, расписалась, забрала увесистую пачку, остро пахнущую типографской краской, и выпорхнула из офиса в мартовский день.

Хорошо, что есть такие дни – яркие и очень-очень весенние, наполненные слепящими солнечными искрами и нежным ароматом мимозы. Мимозой торговали в окрестных лотках около метро: близилось Восьмое марта, и мохнатые охапки желтых шариков бойко расходились по рукам.

То ли так подействовала весна, то ли солнце, но плохое настроение постепенно улетучивалось. Тая подумала и вдруг поняла, что – нет, не делилась Елесина ни с кем ее сокровенными признаниями. Когда знаешь человека всю жизнь, а Ирку она и правда считала роднее сестры, то всегда мож-

но определить, когда этот человек врет, когда нет. Да и редко врала Елесина, скорее уж рубила правду в силу своего ураганного характера, а потом огребала неприятностей. Ирка позвонит первой – будет разговаривать обиженно, сквозь зубы и спросит что-нибудь про грядущие экзамены. Тогда можно будет извиниться, но не раньше – иначе Елесина просто швырнет трубку. Да и Дашка через пару дней успокоится и захочет мириться.

Кто знает, может быть, Макс просто шел где-то неподалеку по улице в то утро и все видел? А об остальном просто догадался… Да и на Макса злость уже почти прошла. Может, никакой он и не сектант, ведь совершенно не похож. А может, этот парень влюбился и натворил глупостей, но разве она сама всегда совершает умные поступки?..

Тая зачем-то полезла в телефон проверять, не отписался ли Макс от ее Инстаграма.

«Не отписался», – почему-то обрадовалась она, улыбаясь людской воскресной реке. А та стремилась по Среднему проспекту и была значительно веселее, чем река понедельничная.

Много влюбленных пар, людей с пакетами продуктов, тортами, цветами и покупками.

– Стать блондинкой в нашем салоне! – Тая выкрикивала фразу, в которой не было откровенного вранья, но зато была интрига.

Листовки она раздавала только шатенкам или же блон-

динкам, которым не помешало бы подновить окраску. Жгучие брюнетки же мерили ее презрительными взглядами.

Сегодня ей везло: почти все листовки оказались в сумочках или карманах, и никто не бросал их демонстративно в ближайшую урну. Тая уже предвкушала выполненную норму и получение денег за неделю, даже позволив себе сбегать погреться на чашку чая в ближайший фастфуд, где одуряюще пахло курицей-гриль.

К шести вечера весенний день помутнел, солнце сползло за крыши, и на улицы осели синие сумерки. Моргнули и зажглись фонари, начали светить окна квартир. Пальцы озябли, Тая жалела о теплой кофте, которая осталась дома, и мечтала о жареной курице с горячим чаем.

Разумеется, она своим видом привлекла нескольких «почитателей», которые начали прохаживаться неподалеку, кидая на нее заинтересованные взгляды. Снова парни с наглыми рожами, и снова ей подмигивали, а кто-то из них даже поманил пальцем…

– Кисо, чего такая белая? – с противной ухмылочкой выдал один из них не слишком оригинальную фразу.

Одарив его в ответ суровым взглядом, Тая мило улыбнулась усталой на вид шатенке и сунула ей листовку, бросив взгляд на улицу, уходящую вдаль цепочкой желтых фонарей.

Вчера примерно в это же вечернее время она поссорилась с Максом. В голове всплыли воспоминания: его ожесточенное, какое-то чужое лицо и странные слова: «За тобой сле-

дом идет беда. И ты одна с этой бедой, потому что больше никто не увидит и не поймет…»

Стояла она сейчас как раз на перекрестке Среднего проспекта и Шестой линии. Можно ведь просто обернуться и убедиться, что все это полная ерунда. Просто обернуться, что в этом такого страшного? Абсолютно ничего.

Вдруг, поддавшись порыву, Тая обернулась, старательно вглядываясь в даль темнеющей улицы, да так и замерла на месте, с приклеенной улыбкой на губах.

Какое-то странное движение вдали привлекло взгляд. В глубине улицы просто качнулось одно из светящихся окон, чуть увеличилось в размерах, будто собиралось отлететь от стены дома. Такого быть не могло, и Тая озадаченно заморгала, отвернувшись.

Взгляд наткнулся на ошивающихся около нее «поклонников».

Все четверо смотрели куда-то позади нее со странным, очень одинаковым выражением на лицах. Это был не страх и не отвращение, а что-то другое. Так, хмурым и напряженным взглядом хищного зверя, смотрел Бандит, когда за кухонным окном на ящик для цветов садилась огромная ворона.

Эти четверо сейчас как один сделали синхронный шаг. Не назад, а вперед, не глядя на Таю.

Творилось что-то не то, иррациональное и дикое, что не поддавалось никакому объяснению. Рядом было метро и потоки людей, которые двигались в обе стороны. Но за спиной

было что-то еще, другое, чего не видел никто из пешеходов.

– Девушка, листовку даете? – недоуменно донеслось до Таи, и чья-то рука разочарованно отдернулась, а листок, порхая, полетел прочь.

Страх холодящей волной захлестывал изнутри, стучал в ушах, пульсировал в висках.

«Чего ты боишься здесь, около метро, где столько людей, ну что с тобой? – мысленно закричала на себя Тая. – Туманных слов Громова, который просто глупо пошутил, или того, что тебе мерещится? Да ничего страшного там нет и быть не может!..»

Впившись взглядом в даль и тяжело дыша, Тая снова обернулась и напряженно ждала.

Вдалеке улицы, за башенкой «Макдональдса», что-то происходило. Темная улица странно двигалась, будто дальний конец ее, с прямоугольниками светящихся окон и фонарями, конвульсивно корчился. Пространство изогнулось, и одно из окон начало медленно подплывать, приближаться. Это окно выглядело очень неприятно и неестественно, а потом уже совсем не окно – из темноты улицы выплывало и приближалось то самое жуткое лицо, которое напугало ее позавчера утром.

Тая метнула потерянный взгляд на тех четверых, будто ждала какого-то объяснения. Стояла как вкопанная, не в силах пошевелиться. Пальцы судорожно сжались, комкая рекламные листовки.

«Бежать… Я с ума схожу, дальше уже некуда, но сейчас надо бежать…» – пронеслось в голове.

Неуверенный шаг, и еще один – наконец ноги сами понесли прочь, по Седьмой линии. Подошвы предательски скользили по наледям, глаза слепили огни.

– Красавица, проблемы? – донеслось от кого-то вслед, когда Тая налетела на стоящую рекламную вывеску кафе и с грохотом сшибла ее.

…В голове вертелись глупые мысли, одна за другой.

Лицо возмущенной Лилии, раскиданные около метро в грязной каше листовки и потерянные теперь уже деньги за неделю… увольнение с позором… Ирка и ее возмущенный визг утром в прихожей… слова Громова… тетка и ее несбывшиеся надежды… ЕГЭ в конце мая…

Гудки машин резанули по ушам, и Тае вдруг показалось, что она уже не сама бежит, а будто ее несет что-то помимо ее воли. Она как беспомощный котенок перед тем ужасом, который движется по пятам, и собственный дикий страх несет ее над землей – можно даже не перебирать ногами.

Ускорение нарастало, продолжалось, в лицо бил ветер, от которого Тая задыхалась, не в силах даже кричать. Большой проспект, Василеостровский рынок пронесся мимо желтой полосой, потом набережная Невы мелькнула, как синяя круговерть фар, огней, гудков, и через миг впереди показался гранитный спуск к воде. Черная вода зияла сквозь вспоротый лед, и Тая с ужасом зажмурилась, когда вода ринулась

на нее.

– Девушка прыгнула в воду! – раздался женский истеричный крик откуда-то позади. – Помогите, скорее!

Ледяная чернота обожгла ноги, и Тая, почти теряя от ужаса сознание, ощутила, как ее подхватило и держит над водой, а потом чьи-то руки резко дернули вверх.

– Ну, ты даешь, Таисия! – донесся до нее знакомый голос. – Держись, держись и вылезай скорее…

– Держусь, – прошептала Тая онемевшими губами, пытаясь понять, чудится ей сейчас Громов в роли спасителя или все же он реален.

Как реален и Бугаев, который только что помогал ее вытаскивать за капюшон куртки, а теперь стоит и ржет поблизости. И Вероника Кошненкова, и Гордеев – ребята из их класса оказались здесь, на набережной, гуляли они тут вечером в воскресенье вместе с Громовым, что ли?

– Вытащили, вытащили ее! – продолжал вопить женский голос. – Промокла совсем, нужно вызвать скорую. В больницу! Она сама прыгнула, я видела!

– Н-не надо с-скорую, – шептала Тая. – Н-не прыгала я…

Кроме неожиданных одноклассников, вокруг собирались и просто любопытные зеваки: гуляющие у спуска к Неве сбегались на крики и шум поглазеть, что случилось.

– А давайте-ка мотанем отсюда, – по-деловому предложил Макс, подхватывая Таю под локоть. Та не успела даже слово сказать, как Бугаев, Гордеев и Громов уже тащили ее от на-

бережной прочь.

Сапоги и края джинсов казались каменными от тяжести, ступни ломило болью. Она искупалась в Неве только по колено, едва не сорвавшись туда с головой.

Зато это отрезвило: голоса вокруг слышались веселые, человеческие, живые. И все-таки знакомые лица, что немного успокаивало. Даже дурацкое ржание Бугаева, в первый раз в жизни оно не раздражало и не бесило. Наоборот, возвращало в привычный мир.

«Рада их видеть сейчас, даже Бугаева, – думала Тая, дрожа, держась за локоть Громова. – Даже Кошненкову рада видеть. Хотя нет, это уже перебор…»

– Темнич! Во блин, Таисия! – шумел Бугаев. – Ну, ты ващще, Темнич!

– Даня, чего вы делали-то на набережной? – стуча зубами, выдавила Тая, удивившись такому обыденному вопросу.

На самом деле хотелось спросить, закричать – «вы видели то, что за мной гналось???»

– Как – что делали?! – Бугаев снова гоготнул. – Купаться пошли, гы-гы… только полотенчики приготовили, а Громов говорит: «О, а ты знал, что белые рыбы в Неве водятся?»

– И листовки вокруг плавали, – в тон ему весело добавил Макс. – Таисия, ты их решила карасям раздать, типа?

Завтра наверняка в школе самой главной новостью будет эффектный прыжок Таи Темнич с набережной в Неву. Никто же не поверит, что она не сама, что ее будто что-то тащило

туда и толкнуло, а потом вытолкнуло… Но вот этого лучше никому не говорить.

Пока Тая размышляла, Макс что-то говорил и говорил, а Бугаев очень громко начал петь «я свободен, словно рыба в небесах!», и Кошненкова шла молча, пока не свернула в сторону, даже не попрощавшись.

– Ч-что? – встрепенулась Тая, когда Макс что-то громко сказал.

В глазах у нее позеленело и произошло это настолько резко, что она вздрогнула, дернулась и чуть не полетела кувырком, споткнувшись о каменные ступени. Даже неожиданно рассмеялась сама над собой, над своей неуклюжестью.

Над ней высился дом. Огромный угловой дом из серого камня, обликом своим смутно что-то напоминающий. В облике этого дома было что-то неправильное, какое-то несоответствие. Что именно, Тая понять не успела: в этот момент широкие двери распахнулись, ослепив ярким светом.

– Ма-акс! – раздался женский возглас. – Что случилось???

– Мам, я выловил Таю Темнич из Невы и пригласил на ужин! – весело ответил Макс.

Глава 5
Громовы

– Тасечка, еще чаю? Надо подлить горяченького… – суетилась мать Макса. – И пироги, бери пироги…

Тая кивнула, осторожно потрогав пальцами нагретый тонкий фарфор. Чай с мятой был прекрасен, пироги таяли во рту, сочились умопомрачительной начинкой.

Какая же у Макса Громова замечательная, хотя уже немолодая мама. Узел светлых волос на затылке, ласковые глаза, улыбчивое лицо и заботливое отношение. И красивое имя – Дарина Михайловна.

Скорее всего, Макс единственный и долгожданный ребенок – таких балуют, таким все можно. Можно притащить к ужину незнакомую девчонку, растрепанную и мокрую по колено. Потребовать поставить таз с горячей водой прямо под обеденный стол и усадить ужинать рядом с отцом-профессором и компанией его студентов.

Да уж, это было похлеще, чем перепутать вилки для крабов: сидеть за столом в роскошной столовой и ужинать, держа ноги в горячей воде, когда тебя изучают столько любопытных глаз.

Профессорский дом оказался отдельным особняком, настолько уютным, что даже воздух в нем казался мягким и бархатным. Первый этаж занимала столовая-гостиная с

высоченными потолками, на второй вела кованая винтовая лестница. «Стиль лофт», – вспомнилось название таких квартир. Высоченные потолки, благородный темный кирпич на стенах, массивная деревянная мебель: все было очень основательное, вековое и дышало удивительным покоем.

Мать Макса все время подливала в чашку ароматный чай, накладывала на тарелку салаты, горячее мясо.

Огромный стол, который своими размерами уместил бы целую кафедру студентов, ломился от еды. На трехэтажных вазах возвышались горы фруктов, дымился окорок индейки, обложенный запеченными яблоками, пестрели салаты в хрустальных вазах. Будто Новый год, и этот праздник готовился заранее. Неужели тут так роскошно ужинают каждый день?

С другого конца стола на нее внимательно смотрел отец Макса, Борис Денисович Громов: он, вопреки ожиданиям, оказался совсем не грозным профессором, а хоть и немолодым, но подвижным худым мужчиной лет шестидесяти, с зачесанными назад седыми волосами и доброжелательной улыбкой. Одет профессор был в черный шелковый халат с вышитыми яркими драконами, а на пальце поблескивало круглое кольцо.

– Вы должны успокоиться, дорогая Таисия, – приятным баритоном говорил старший Громов, размеренно размешивая ложечкой сахар в чае. – Я вижу, вы напуганы, вы боитесь. Не нужно. Мы вот ждали вас еще вчера, но вы не пришли, к сожалению, хотя Макс передал мое приглашение…

Профессор посмотрел на сына – тот в ответ только пожал плечами. О том, как они с Таей поссорились прямо посреди Невского проспекта, Макс, к счастью, не стал распространяться.

Кроме семьи Громовых, за столом сидели еще несколько ребят, как успела узнать Тая – студенты с кафедры. Две девушки и два парня: первая – спокойная брюнетка по имени Маша с красивой фамилией Диканская, с волной темных волос, которые она эффектно откидывала за спину. Вторая – рыжеволосая Алиса со стрижкой и внимательным взглядом зеленых глаз. Парней же звали Костя и Артур, но Тая успела про себя назвать их: «Кощей и Дракула». Потому что один из них действительно смахивал на кощея в ранней юности: худой, даже костлявый, подвижный, будто энергии у него было слишком много. Второй же, наоборот, отличался вытянутым бледным лицом, длинным носом и длинными черными волосами. Он постоянно что-то бубнил рыжеволосой Алисе, а та отстраненно кивала.

– Вам ничего не угрожает, поверьте, – говорил профессор Громов, глядя на Таю. – То, что вас так пугает последние дни, – это объяснимо. Ваши испуг, реакция, стресс – это абсолютно нормально.

– Да меня ничего не пугает, – оправдывалась Тая, проклиная панику, из-за которой придется объясняться еще и в школе. Ведь наверняка Кошненкова все разболтает, не удержится от такой великолепной возможности напакостить. –

Почему вы так решили? Я случайно сорвалась с набережной, там скользко было. Мне очень жаль, что я доставила вам беспокойство…

– Нет никакого беспокойства! – улыбнулся отец Макса, показав ряд ровных белых зубов. – Ваше поведение в стрессовой ситуации абсолютно нормально. Я отлично знаю, ведь я ученый.

– Так вы же физику преподаете, а не психологию, – у Таи вырвался нервный смешок. – Простите, Борис Денисович, просто Макс об этом рассказал.

– Так физика может быть разной! – воскликнул профессор. – И самое главное, физика допускает, что на перекрестках в темноте можно увидеть удивительные вещи! Если не знать, с чем имеешь дело, можно всерьез испугаться. Это, как говорится, отблески вашего подсознания. И на моей кафедре как раз изучают подобные явления, и это очень и очень интересная тема.

«Физика, которая изучает то, что можно увидеть на перекрестке?» – Тая бросила быстрый взгляд на Макса, но тот оставался невозмутимым.

М-да, сказанное было слишком сложно, если не назвать иначе – абсурдно. Тая молчала, ожидая продолжения. Молчал и Борис Громов, молчали его студенты, на лицах которых не было и тени удивления.

– И что же это за кафедра такая? – наконец спросила Тая.

– Кафедра физики демонов в ИТМО, – серьезно сказал

отец Макса. – Иными словами – демонофизики. Устроит вас такой ответ?

– Нет, не устроит, – Тая смело улыбнулась. – Про этот университет я знаю, у нас один мальчик из параллельного класса туда хочет поступать, но он победитель всяких олимпиад по физике и алгебре. Буклет этого университета я изучала, нет там никакой кафедры демонофизики… извините.

– Нас обижают, – зачем-то сказал студент, которого Тая мысленно назвала Кощеем.

Ох уж эти студенты профессора Громова! Это надо уметь так смотреть – с таким выражением, будто изучают какой-нибудь экспонат в музее под названием «нахальная белая ворона», которая еще и разговаривает, и пьет чай, и плещется ногами в тазу с водой.

– А-а… да, мы проходили… демон Максвелла, – спохватившись, что перешла границы приличий, пробормотала Тая.

«Кто их знает-то, не мне разбираться в кафедрах этого самого ИТМО, – одернула она себя. – Мне даже троякам по физике надо радоваться, как наша физичка Лидия Львовна говорит…»

– Борис Денисович, нам пора обижаться? – подняла брови темноволосая студентка Маша Диканская. – Демон Максвелла – это ведь…

– Машенька, погодите, – остановил ее старший Громов. – Я хочу услышать от Таечки, что она знает обо всем этом.

– Про демонов знаю мало, – Тая решила, что если уж разговор странный, то лучше о непонятных вещах говорить как можно осторожнее. – Но вот есть кафедра народного фольклора, про такую я слышала. Одна девочка из нашего класса хочет поступать на фольклорный, в институт культуры. Хочет ездить в экспедиции по деревням, собирать сказки про нечистую силу, может, и про демонов…

– Зачем же про них собирать сказки, – добродушно вздохнул отец Макса, – когда можно собирать их самих. И это тоже можно узнать на нашей кафедре, если вы отбросите скептицизм. Видите ли, Таисия, до меня дошла ваша история. О вашей семье, об аварии шестнадцатилетней давности. Я знаю, что в детстве вы пережили сильнейший стресс, когда попали в катастрофу. Это произошло посреди Москвы ночью, в темноте.

– Откуда вы… – перебила его Тая, но смутилась, вспомнив, что сама же историю свою выкладывала в блог, не делая из нее особенной тайны. – Слухами полон этот мир, – профессор развел руками. – Тем более если вы очень заметная фигура в своей школе, а ваша история так трагична. Даже младенец все отлично запоминает, но иначе. Память хранит любые события в далеких закоулках подсознания. И вот теперь, на фоне стресса от тяжелой учебы в школе, наступило обострение. Это называется парейдолия, не слышали о таком?

– Смутно… что-то, – Тая не стала уточнять, что не знает

об этом ровным счетом ничего.

– Парейдолия – это не болезнь, а свойство человеческой психики находить что-то знакомое в необычной ситуации, – пояснил Борис Громов. – К примеру, на фотоснимках с Марса многие видят лица, фигуры людей, даже строения. Хотя на самом деле все это просто причудливые камни и воображение, которое дало им понятное объяснение. Вот и вы, не так давно вы увидели нечто непонятное, что вас сильно напугало. Воспоминание о трагедии никуда не делось и проявляется вот таким образом: в темное время на перекрестках вы можете увидеть нечто пугающее. Авария же на перекрестке произошла? Все логично.

– Д-да, наверное… – Тая выдохнула и напряжение волной отхлынуло от сердца.

Объяснение ей нравилось, было правильным, каким-то очень долгожданным. Не важно, что говорил профессор до этого – про каких-то демонов, физику и перекрестки, – важными показались только эти слова. Тая вдруг заметила, как уютно падают оранжевые круги света на стол, как спокойно дышится сосновым запахом в этом доме, как отпускает ее страх последних дней. Мало ли что говорил ей странного отец Макса: ученым позволительно шутить, они ведь должны быть странными и даже немного безумными, а уж ученый-физик тем более.

И уже было все равно, что подработка наверняка пропала – не простит ей, конечно, Лилия разбросанных листовок от

метро до набережной Невы.

Ноги давно уже согрелись, чай с мятой казался целебным бальзамом, а огромный стол с висящими над ним лампами в оранжевых абажурах – вообще центром вселенной. Возвращаться домой не хотелось совершенно, и эту мысль будто уловили и профессор, и Макс, и молчаливые студенты.

– Я вижу, вам здесь нравится, – сказал отец Макса. – И рад, очень рад.

– Чай у вас вкусный, – расслабленно заулыбалась Тая. – И такой уютный дом… не могу вспомнить, где я его видела. Не помню таких домов на Васильевском острове…

– А мы и не на Васильевском… – начала говорить рыжая девица, но резко замолчала, будто кто-то пнул ее ногой под столом.

– Чай – это очень важно, в мире столько сортов и видов, каждый день можно пробовать новый! – перебив ее, защебетала мать Макса. – Мы завариваем чай только в китайских чайниках девятнадцатого века, из глины! А у вас в доме как принято, Тасечка?

– Очень элитно завариваем – настоящий чайный ритуал: из самых дешевых пакетиков под названием «серый граф», – ответила Тая, которая предпочитала иронизировать, а не жаловаться или смущаться из-за их с теткой небогатой жизни. – Берется один пакетик чая на две чашки – хорошая экономия. Одной упаковки нам с теткой на месяц хватает.

Улыбки проскользнули по лицам: у девиц снисходитель-

ные, у парней ободряющие. Профессор так вообще расцвел, будто ему крайне понравилось, как держится Тая в непривычной для себя обстановке.

– Так как, вы готовы пойти на мою кафедру физики в ИТМО? – вдруг спросил профессор.

– Я… да мне не светит, что вы, – Тая чуть не поперхнулась чаем от такого неожиданного предложения. – Все-таки такой престижный университет, а у меня с баллами ЕГЭ совсем беда.

– Ах, это… – Борис Громов скептически поморщился и махнул рукой. – Стрессовая ситуация экзамена, созданная искусственно, но разве она выявит настоящие способности человека? Вряд ли.

– Наши учителя говорят иначе. Что ЕГЭ вообще решает судьбу человека, и если завалить, то вся жизнь под откос.

– Мнение ваших учителей не имеет для меня никакого значения, – мягко улыбнулся профессор. – Я жду вас на своей кафедре независимо от того, сколько вы наберете баллов. Я считаю, что у вас есть способности, а остальное не важно. Ваше решение?

– Я подумаю, – сдержанно ответила Тая, которая так и не могла понять, шутит профессор насчет ее способностей или нет. – Но за приглашение большое спасибо. Мне бы пора уже домой, а то тетка будет волноваться. Она мне… как родная мать, – добавила Тая как-то нелепо и некстати, сразу пожалев об этом.

Ведь за все это время тетя Рита ни разу не позвонила, даже не написала эсэмэску с вопросом: Где тебя носит?

Домой она добралась совсем поздно, во втором часу ночи, на такси, которое приехало прямо к дому. И все-таки, несмотря на счастливое окончание ужасного дня, Тая чуть не грохнулась от головокружения, стоило ей только выйти за двери громовского дома.

– Да я уже в порядке… – запротестовала она, смущенно выдергивая руку из ладоней Макса. – И спасибо, что сорвал мне заплыв по Неве. Только провожать – это лишнее, правда!

Несмотря на решительные протесты, Макс и двое студентов с кафедры профессора, Костя и Артур, вызвались ее провожать до самого дома. Отбиться от них было невозможно, и в подъезд они ввалились совершенно бесцеремонно вслед за Таей.

Все на их лестнице было как обычно: воняло затхлостью, из двери квартиры на первом этаже высовывался недовольный нос соседа Захара Палыча, который кричал что-то про

былые времена и порядок в стране, галдели несколько противных рож, сидя у мусоропровода. Хотя ко всему этому еще и добавлялись вопли тети Риты, в ответ на которые доносился возмущенный мужской голос.

Тая тоскливо вздохнула; оказывается, тетя Рита не подняла панику по поводу ее позднего возвращения только благодаря тому, что была все это время сильно занята скандалом. Совершенно некстати было сейчас это все, не для посторонних глаз.

Дверь теткиной квартиры оказалась открыта нараспашку:

– Здрасьте, дядь Шурик! – бросила Тая очкастой и длинноносой личности, которая приветствия даже не заметила.

– Ты… – не замечая никого и ничего вокруг, он тряс тонким дрожащим пальцем в сторону тетки. – Ты смеешь еще мне угрожать?

– Предупреждаю, чтобы больше здесь не появлялся! – истошно вопила тетя Рита, зачем-то держа в замахе собственный сапог. – Ничтожество, которое выше агента по недвижимости не прыгнет никогда! Квартирки он чужие бегает показывает, тьфу! Себе бы купил, за сорок пять лет своей жалкой жизни…

– От жалкой кассирши слышу!

– Спокойнее! – Тая бросилась наперерез тетке, увидав, что та ринулась в сторону ненавистного противника, и встала у нее на дороге. – Не надо ругаться! Вы же только нервы друг другу портите…

– Вот потому я и ушел, что ты любой дом превратишь в вонючее болото! – дядя Шурик вопил и фыркал, как разъяренный кот. – Гопники торчат на лестнице у вас всю жизнь, сколько я ни приходил! Потому и развелся с тобой, что ты грязнуля и кофе без катастрофы сварить не можешь. Носки никогда не допроситься было постирать… грязища, кот твой ненормальный… тьфу!

Палец дяди Шурика ткнул в кота Бандита, который яростно сверкал глазами из недр темного коридора.

В этот момент дверь квартиры Елесиных распахнулась, и на дядю Шурика налетела тяжелая артиллерия в виде Веры Павловны со шваброй в руке. Такое уже случалось не раз: драка тетки Риты со своим недомужем заканчивалась авианалетом с елесинскими «бомбардировками», в результате чего дядя Шурик терпел сокрушительное фиаско и катился вниз по лестнице.

– А ну, я тебе сейчас… – рык тети Веры прекратился, едва ее взгляд наткнулся на Макса и его друзей.

Те переглядывались с видом зрителей, пришедших на фильм Тарантино или Бертона, а попавших на показ индийского боевика.

– Полегче со шваброй, уважаемая, – произнес Костя очень вежливо, но реакция тети Веры была странной.

– Чего приперлись сюда?! – напустилась она на Макса Громова с неожиданной ненавистью. – Интересно стало, нужно полюбоваться?

По лицам студентов пронеслись улыбки, настолько тетя Вера выглядела сейчас нелепо и смешно в своем застиранном халате, с жирным слоем крема на лице и с бигуди на мокрой голове.

– Суперобстановочка, – проигнорировав Елесину, Макс с понимающей улыбкой обратился к Тае: – Следующий шаг за тобой. Жду понимания…

– Что, какой шаг? – растерялась Тая, которая в этот момент лихорадочно вспоминала подходящие шуточки на подобные позорные случаи, когда надо было минусы превратить в плюсы.

Скандал прервался – Елесина ретировалась восвояси, дядя Шурик, возмущенно фыркая, бросился вниз по лестнице, а тетка ринулась в ванную, откуда донеслись рыдания и шум воды.

Весь последующий час Тае пришлось торчать у двери в ванную, уговаривая тетку успокоиться.

– Что за жизнь у меня, будь она проклята! – доносилось из-за двери. – Как же меня все достало, что за жизнь… Касса эта проклятая, покупатели эти, видеть больше не могу!.. И этот козел с его наскоками! Сколько раз смотрю, столько приличных мужчин пробивают ночью пельмени и квас – ну, холостяк же, вижу! И хоть бы один такой нормальный меня заметил…

Тая вздыхала, стучалась с налитой в рюмку валерьянкой, проявляла чудеса ораторского искусства, и только упомина-

ние о своем грядущем поступлении в ИТМО на факультет физики заставило утихнуть бурю в ванной комнате.

– Тот мальчик, который тебя проводил, сын профессора?! – ахнула тетка, выглянув из ванной. – И тебя пригласили поступать на его кафедру?..

– Да, и вы с дядей Шуриком могли бы улаживать конфликты без драк со зрителями, – с упреком напомнила Тая.

Однако до тетки дошел совсем другой смысл сказанного: выражение ее лица вдруг сменилось с истеричного отчаяния на нехорошее вдохновение, а рука потянулась к карману, где лежал мобильник.

– Юлечка, не спишь?! – разнесся по квартире ее торжествующий голос. – Да я так, поинтересоваться, как твоя жизнь не слишком молодая. Ты же меня-то постарше, хотя я тебе об этом стараюсь не напоминать. Погодка у вас как в Москве? А-а… ну да, магнитные бури, да. И давление, и сырость. Как там твоя дочурка поживает, небось болтается без учебы? А у моей факультет физики ИТМО в кармане, сегодня сын профессора кафедры ее до самых дверей провожал…

О, ужас.

Тая, схватившись за голову, скрылась в своей комнате. Какой же глупой сейчас показалась и тетка, и вся обстановка в их тесной хрущевке. Особенно после разговоров с профессором Громовым. В его доме было такое ощущение удивительного уюта, как будто это оплот вечного спокойствия. А

здесь и сейчас даже стены казались тонкими, будто из картона, а потолок – низко висящим над головой.

Жизнь Макса и ее, Тайкина, жизнь – как полные противоположности. В ее жизни – теткины безобразные скандалы, грязь в убогой квартире, неустроенность. До сегодняшнего дня она убеждала себя, что ей это нравится, бравировала даже этим в Инстаграме. Как же ей сейчас захотелось, чтобы ее отец вот так же сидел за огромным столом, окруженный восхищенными студентами, руководил кафедрой в престижном вузе, а вокруг него суетилась заботливая мама…

Что-то вроде зависти или чувства страшной собственной неполноценности заставило сжаться и тяжело вздохнуть.

Закрыв глаза, Тая представила себе, что соглашается пойти на кафедру Громова, что приходит так же к ним в гости, шутит за столом. И становится причастной ко всему этому, это становится ее будущим вместо чего-то аграрного с низкими проходными баллами по ЕГЭ, куда ей идти совсем не хотелось, разве что поддержать Ирку.

А эти сочувственно-насмешливые взгляды приятелей Макса, фраза, оброненная им: «Понимаю, суперобстановочка…» А каким презрительным взглядом смотрели они на черную плесень на их лестнице, как насмешливо отвечали тете Вере, которая вылезла в застиранном халате и принялась на них орать!

Но зачем она им всем, ведь она звезд с неба по физике не хватает, разве только тройки. Копаться в этом сейчас совер-

шенно не хотелось. Плохой день закончился хорошо – вот что главное. Совершенно не важно, что никаких способностей к физике у нее нет, Макс Громов прекрасно об этом знает.

«А ведь дом-то у семьи Громова – тот с башней, который на Пяти Углах, – вспомнила Тая, уже лежа в кровати. – Только как я так быстро туда попала от набережной Невы? Мы ведь шли совсем недолго. Хотя чему я удивляюсь, такие несовпадения по времени бывают, все-таки у меня был стресс… Но как хорошо знать, что я зря себя пугала. Ничего страшного нет, ничего меня не преследует. Это просто парей-до-лия…»

Глава 6
Весеннее обострение

Спортзал на пятом уроке гремел: шла игра в баскетбол. Звучали удары мяча об пол, хлопки в ладоши, топот ног и пронзительные свистки.

– Гордеев, пас Бугаеву! Зязин, давай, Осокина открыта! – надрывался физрук. – Пас, я сказал!!! Кошненкова, в чем дело? Елесина, а вы куда?

– Я всё, Юрсаныч, – выдохнула Ирка, пухлые щеки которой покрылись красными пятнами. – Нога, коленка болит…

– Давай на скамейку, – физрук махнул рукой. – Так, кто там прохлаждается? Темнич, в игру!

– Еще немного отдышаться, – Тая умоляюще сложила ладони. – Пожалста, Юрсаныч!

– Ладно, посиди еще… – разрешил физрук и резким свистком начал игру.

На самом деле Тае уже хотелось поиграть, но все прошедшие дни Ирка дулась, в скайпе не отвечала, а сейчас выдался удобный случай, чтобы помириться.

Елесина, дохромав до самой дальней скамейки, тяжело бухнулась на нее, смахивая прилипшие ко лбу волосы. Тая тут же подсела рядом, сочувственно разглядывая, как Елесина растирает упитанную коленку.

– Ирк…

– Кому Ирк, а кому Ирина Геннадьевна, – буркнула Елесина, покосившись на подругу.

– Геннадья Ириновна, ну хватит, – попыталась улыбнуться Тая. – Две недели уже не разговариваем. Я серьезно, в тот раз нечаянно сдурила. Мир?

– Сдурила она, а из меня мать фарш сделала, – проворчала Елесина. – Ты вообще в последнее время странная, фортели сплошные. То посреди дороги истеришь, то глупости по телефону несешь про какие-то предчувствия… – Ирка помолчала и уже беззлобно добавила: – Что делала-то все это время? Страстный роман в самом разгаре? Мать мне рассказала, что Громов тебя до дома провожал.

Этот вопрос означал, что мир восстановлен и Ирка жаждет новостей.

– Да нету никакого романа, – Тая решила пока не рассказывать, как чуть не свалилась в Неву, раз Бугаев и Кошненкова об этом до сих пор не разболтали.

– Дома я у Громова побывала, с родителями его познакомилась. Хорошие такие родители, и вообще…

– Ну и… – Ирка напряглась в ожидании продолжения.

– И ничего, – пожала плечами Тая. – Он меня проводил и сказал: жду от тебя понимания и ответных шагов. В Инстаграме лайки на мои фото ставит, улыбочки, «привет-привет». Праздники больше не устраивает. Ждет от меня каких-то действий и какого-то понимания.

– Можно подумать, ты вчера родилась, – недобро покоси-

лась Елесина. – Да парень влюбился, а ты, «альбинос, задрала нос». Все же знают, что, куда ты ни пойдешь, везде за тобой парни следом таскаются как приклеенные. Вот он и не хочет в дураках остаться, ждет, когда ты сделаешь первый шаг.

– Признания в любви ждет, что ли? – Тая покачала головой. – Нет, что-то тут не то. Смотри, как играет…

В этот момент Макс сделал ловкий бросок, и мяч, пролетев весь зал, будто бы игнорируя законы притяжения, сам прыгнул в корзину противников. Раздались аплодисменты, восхищенные возгласы. Даже суровый физрук довольно похлопал Громова по плечу.

– Здорово у него получается, – Тая не сводила взгляда с Макса. – И дома у них все шикарно, у этих Громовых. Мебель такая интересная, скульптуры, картины…

– А как надо, чтобы полочки из ИКЕА висели?

– Не знаю. Профессор этот говорил какие-то странные вещи на полном серьезе. А сам будто проверял, поверю я или нет. Говорит, что физика на его кафедре изучает всякие странные явления, вроде демонов.

– Прикольный папаша, – Ирка хихикнула. – У нас когда мамин приятель праздник какой-нибудь отметит, так тоже про астрал рассказывает. Картина маслом, как дядя Вася восседает на табуретке в коммунальной кухне и всем десяти соседкам рассказывает про астрал, закусывая солеными огурцами…

– Нет, у Громовых все основательно, – возразила Тая. – У него такой классический роскошный замок Дракулы, только на наших питерских Пяти Углах. Мы этот дом проходили по истории Петербурга, я даже реферат по нему писала, только криво нарисовала и трояк получила, помнишь?

– Дом Лишневского с башней, что ли? – ахнула Ирка. – И Громов там прямо и живет?

– Еще как живет. Весь дом их, целиком.

– Офигела, Темнич?! – Ирка подпрыгнула на скамейке, вытаращив глаза. – Если они его целиком купили, то Громов как минимум миллиардер… И что тогда он в нашей школе делает?! Почему не в Йеле, не в Оксфорде?

Обе посмотрели на поле, где Макс снова ловко забросил мяч, который пролетел через весь спортзал и прыгнул в корзину, принеся команде новые очки.

– Громо-ов! – сложив руки рупором, завопила невыносимая Ирка. – Признавайся, ты вампир? Вампи-ир, и скрываешь, да-а?!

Макс выразительно покрутил пальцем у виска, спортзал грохнул смехом, а физрук сердито махнул рукой.

– А ну, Елесина, быстро в игру!

Примирение с подругами принесло как плюсы, так и минусы: после физкультуры Даша с Иркой вцепились в Таю, как два репейника. Дело происходило в столовой во время обеденной перемены, пришлось в десятый раз рассказывать им о своем приключении: о падении в Неву, роскошном ужине и знакомстве с семьей Громова.

– Вот что значит, когда отец большая шишка, – разглагольствовала за столом Ирка. – Вот Громову все можно. Он ведь не особо-то учится: контрольные пишет левой ногой или вообще не пишет, а получает пятерки. Когда хочет – уходит, когда хочет – приходит. Хоть бы раз к завучу вызвали. Бугаева моего вон постоянно тягают за всякую ерунду…

– Да еще и живет в особняке прямо посреди Пяти Углов! Нет, мой мир никогда не будет прежним! – трещала Даша. – Темнич, пока не увижу, не поверю. Врешь ведь.

– Не вру, я там ужинала, – уже не радуясь тому, что на радостях примирения рассказала такие подробности, отбивалась Тая. – Может, Громовы временно сняли этот дом, откуда я знаю? Там внутри очень красиво и уютно, уходить не хочется. Студенты с кафедры Громова такие все на вид ин-

тересные и умные ребята…

– Прикольные? – уточнила Романцова, переведя на свой язык.

– Прикольные, – согласилась Тая. – Да и отец Громова, он такой…

В этот момент в столовой появился Макс и, набрав на поднос тарелок, встал прямо к кассе, минуя огромную очередь. Никто из ребят не сказал ни слова, Макса спокойно пропустили, и он занял столик неподалеку, который очень кстати освободила компания восьмиклассников.

– Вот, – высказалась Ирка вполголоса, – что бы Громов ни делал, все легко у него идет, когда другие продираются через жизненные дебри. Гро-омов! – басом пропела Елесина в спину Макса. – Ау, Громов! Открой свой секрет, а?

Весь остаток перемены Ирка продолжала доставать одноклассника, шипеть ему из-за соседнего стола в затылок и строить теории его внеземного либо вампирского происхождения.

– Он ест, причем много ест, я обратила внимание, – размышляла вслух Ирка, глядя в спину белой рубашки Макса. – И при этом худой, худее всех наших парней в классе. Нет, он не вампир, вампиры не едят. Громов, а может, ты инопланетянин? – перевесившись через спинку стула, она потянулась и дернула того за рукав.

– Не угомонилась еще, Елесина? – со слегка усталой полуулыбкой обернулся Макс.

– Не-а, зато я просто сопоставила факты, – не унималась Ирка. – Ты ведь полгода, что в нашей школе, вообще не учишься. Домашку не делаешь, это я точно знаю. У тебя училка просто смотрит в пустую тетрадь и кивает, типа, все хорошо. На уроках никогда не спрашивают, а в журнале оценки появляются, причем только пятерки. А когда на физре играешь в команде, у тебя будто мяч сам летит туда, куда надо…

– И чего? – пожал плечами Громов.

– Нет, я против тебя ничего не имею, – с пафосом заявила Елесина. – Ты классный, днюха у тебя была что надо, приятно вспомнить. Просто все это очень странно выглядит. Вот у тебя сейчас что в сумке, Громов? Спорим, ни одного учебника?

– У Громова в сумке пустые тетради, – засмеялась Даша. – А за школой, наверное, прячется в кустах «ламборджини», который он стесняется показывать.

Тая сидела без улыбки, настолько ей сейчас не нравилась задиристость подруг. А ведь это было привычное их поведение: Ирка вечно цеплялась и громко хохмила над кем-то, Даша поддерживала. А вот сейчас их выходки вдруг показались нелепыми и глупыми.

– Да идите вы. – Макс вдруг поднялся, отодвинув поднос еды, резко сдернул со спинки стула свою сумку и вывалил на пол ворох бумаг.

Учебников и конспектов не было – и правда, только мятые

пустые тетради да пара журналов об автомобилях.

– Разоблачили? – ответно наехал Громов на компанию подруг. – Спалился, да. Тарелка моя стоит в Ленобласти, в карельских лесах. Проник, блин, чужеродный элемент в человечью школу и подбирался обманом к красивой девице. А эта инстаграмная фифа хоть бы мозгами за неделю пошевелила, почему вокруг нее шаманские пляски. Сказал же – жду понимания и ответного шага. Ладно, повеселились, – и хватит…

Громов швырнул сумку на пол и быстрыми шагами направился к выходу, крикнув у дверей:

– Елесина, мамаше привет передавай! К сожалению, ей придется оторваться сегодня от работы…

Ирка взвизгнула, когда через секунду стоящий перед ней стакан с компотом взорвался и залил стол липкой лужей.

– Наверное, Бугаев локтем зацепил, зараза, – пробормотала Елесина, встав из-за стола и глядя, как ручей компота размеренно капает на пол.

Впрочем, Бугаев был совершенно ни при чем – Даня в этот момент за другим столом был занят запихиванием в пасть бутерброда с колбасой.

– Инстаграмная фифа – это про меня? – оторопело повторила Тая, которой было очень стыдно за последние десять минут. Ведь могла бы одернуть Ирку с Дашей, а она сидела и слушала, как они цепляются к Максу.

– Ага. А красивая девица – это про меня, – Ирка облизы-

вала липкие пальцы. – Чего-то я не поняла, что это было. Подумаешь, ну повеселились немного, чего так психовать-то? И при чем тут моя мать, которой сегодня придется оторваться от работы? Она дежурит в травмпункте своем, у нее ночная смена.

– Да, девки, умеете вы довести человека, – Бугаев наконец-то прожевал бутерброд и смог высказаться. – А он ведь старался, днюху для кое-кого организовывал. А жестокая девушка-зима Таисия послала человека куда подальше, еще и высмеяла. Я, кстати, заметил, что автомобили для него больная тема. Может, у него болезнь какая, и водить ему нельзя, похоже на то. А вы прям режете его без ножа…

Тая, переваривая случившееся, чувствовала себя гадко. Будто обидела или подвела, сама того не желая. Да и фраза «повеселились – и хватит» с демонстративным уходом из столовой выглядела так, будто в школу Макс больше не вернется. Вообще не вернется, да и был здесь все полгода только ради нее. И дело сейчас даже не в престижной кафедре ИТМО, а просто в том, что она не права.

Елесина догнала Таю уже в гардеробе, когда та поспешно надевала куртку.

– Что, понимание и ответный шаг? На физике сегодня как раз контроша по теории Бора…

– Физика потом. Сначала лирика, – Тая на пару секунд задержалась перед зеркалом, чтобы подвести губы розовой помадой. – Ты передай, что я болею и к врачу пошла.

– Не передам, потому что я иду с тобой, – отрезала Ирка непримиримым тоном. – Мало ли ты глупостей наворотишь! Да, я виновата, но ты же меня знаешь… – признала она, что бывало с ней крайне редко. – Перегнула палку. Поэтому могу тоже извиниться, тем более что ерунду несла. Макс классный, пусть хоть у него сто отцов-олигархов и сто домов на Пяти Углах. Поехали, Темнич.

Отцепиться от Ирки было невозможно, а при побеге из школы их еще догнала Даша Романцова, которую не столько мучили угрызения совести, сколько жгло любопытство.

Они вышли из метро на Владимирской площади и решили идти пешком по Загородному проспекту: Тая, пока ехала в вагоне метро, наслушалась такого количества советов, что в вопросах личной жизни начала чувствовать себя отставшей от подруг лет на двадцать.

– Хватит, правда, – взмолилась она в конце концов. – Я и не целовалась-то еще ни разу ни с кем, а вы мне уже фасон свадебного платья выбираете. Тем более что Громов ничего мне не предлагал такого, на свидания даже не звал.

– Смотри – на шею сразу парню не бросаться, – Дашку было не остановить. – Легенда такая – ты просто проезжала мимо и вспомнила, что забыла у Громовых, когда ужинала… это… ну…

– Совесть, – подсказала Тая. – Ир, а как ты думаешь, почему он сказал, что у твоей мамы сегодня будет трудный день?

Елесина озадаченно пожала плечами.

– Извини, Таська. Видимо, я достала его сильно в столовке. Но он на психа совсем не похож, если честно. Так уметь поставить себя в классе, – Ира сделала многозначительное лицо. – Бугаев мой вообще безмозглый, авторитетов не признает, завуча ни во что не ставит, даже директору хамит. Но Громова он уважает. Вот почему?

– Отец у Макса тоже вызывает уважение, – Тае захотелось рассказать про профессора, чтобы лишний раз вспомнить про ужин в том прекрасном доме. – Доброжелательный такой, иногда даже веселый. Все мне по полочкам разложил. Я ведь последние дни дико боялась – оглядываюсь, а мне мерещится ерунда всякая… Помните, по дороге в школу тогда?

Ирка с Дашей хорошо помнили и наверняка между собой это успели обсудить, поэтому переглянулись с многозначительным видом.

– Так вот. Это называется… сейчас… парейдолия. Была такая картинка, фото с Марса, где лицо огромное в марсианских горах. Видели?

Ирку фотографии Марса интересовали крайне мало, но

она яростно закивала.

– Людям свойственно придавать знакомые черты неизвестным явлениям и предметам. Авария, в которую я попала, произошла ночью, на перекрестке. И когда наступает темнота, и я прохожу перекресток, мне кажется, что за мной кто-то гонится. Это переживание из детства, никаких психических болезней. А раньше не было, потому что сейчас стресс и нервы, ЕГЭ на носу и все такое…

– Па-рей-до-лия… – завистливо повторила Ирка. – Я тоже такое себе хочу. Звучит так красиво. Па-рей…

– Пришли, парейдолички! – оборвала ее Романцова. – Пять Углов, и вот ваш громовский дом. Где входить-то к ним, а?

– С угла, – задумчиво ответила Тая. Она искала растерянным взглядом ту самую широкую двустворчатую дверь с угла – только никаких дверей с угла в этом доме не было.

Глава 7
Не все дома

– Ну и где тут вход с угла прямо в частный особняк? – Ирка, задрав голову, рассматривала старинное угловое здание причудливой архитектуры, на вершине которого возвышалась башня. – Внизу кафешки. Вижу магаз. Хотя…

Никаких кафе в этом доме в тот вечер не было, Тая прекрасно помнила, что огромные полукруглые окна от самой земли принадлежали столовой Громовых.

Да и сам перекресток показался значительно меньше, дом с башней – ниже, а ограды вокруг него не было и в помине. Не было тяжелых дверей, зато у подъезда висел вполне будничный домофон, который сейчас пиликал под натиском Елесиной.

– Впустите, мы к Громовым! – проорала она, нажимая на все кнопки подряд. В результате дверь все-таки открылась: внутрь прошла женщина с продуктовыми сумками, вежливо поздоровавшись с девочками.

Ирка, ворвавшись в подъезд, сразу убежала наверх. Тая же медленно поднималась по ступенькам, не веря своим глазам. Никакого уютного дома, профессорского особняка, который поразил ее еще неделю назад, не было и в помине.

Подъезд, просто обычный подъезд с почтовыми ящиками, двери старых квартир с замусоленными звонками, кучи хла-

ма и велосипеды с самокатами на каждом этаже. Неужели она ошиблась, и в Питере есть еще какие-нибудь Пять углов с таким же домом?

«Я писала реферат по этому дому, про его уникальную архитектуру, – начала паниковать Тая. – Писала и отлично помню, как он снаружи выглядит, этот дом Лишневского. В тот вечер я ужинала именно здесь…»

– Девоньки, вы ищете кого-то? – необычайно дружелюбно поинтересовалась сухенькая старушка, приоткрыв дверь квартиры.

– Громовых, – испуганно произнесла Тая, разглядывая желтое старушечье лицо со слишком любопытными глазками. – Дом профессора физики Громова, разве это не здесь?

– Профессор Громов, – старушка уважительно поцокала языком. – А везде здесь Громов. Абсолютно в каждой квартире. Вот куда ни пойдете – так везде… – добавила она странным тоном и поспешила захлопнуть дверь.

– Сумасшедшая, – прошептала Тая, поднимаясь по лестнице, которая вилась вокруг лифта.

Последняя надежда была на то, что за прошедшие дни вход просто могли замуровать и потеснить профессорскую семью. Может, ютятся они теперь где-нибудь в однокомнатной квартире? Хотя, конечно, перестроить за пару недель дом невозможно.

Дойдя до последнего этажа, Тая обнаружила приоткрытую дверь в квартиру. Впрочем, дверь там вообще вряд ли

была нужна – даже бомж не польстился бы на такую нехитрую обстановку в виде старой мебели, место которой было разве что на помойке. Мебель, казалось, приросла к слою пыли и грязи на полу: споткнувшись об облезлую табуретку, Тая зашипела от боли в коленке, а табуретка не сдвинулась с места ни на сантиметр.

Под ногами хрустели разбитые стекла, стены были беспощадно изрисованы граффити, которые корчились нечитаемыми буквами. Поверх всех надписей крупно красовалось:

«ЦОЙ – ЖИВ!!!»

Тая, спускаясь вниз, только молчала и шевелила губами, разговаривая сама с собой. Как ей могло такое померещиться, как?!

Ведь совсем недавно она побывала в гостях у профессора Громова именно в этом доме с башней на Пяти Углах! Только вот добралась она сюда от набережной Невы как-то слишком быстро, но тогда объяснение этому нашлось простое: шок и стресс, потому время куда-то и потерялось.

– Хватит носиться по подъезду и орать, Елесина, – вдруг сказала Даша. – Таське по-моему нехорошо. Нету здесь никаких Громовых, вот и всё.

– Нету, – Тая тяжело дышала, потому что даже улица, на которую она выбралась из подъезда, казалась ей совсем не такой, какую она видела в тот вечер. – Вы с Ирой идите.

– Всё! – Ирка схватила ее за руку. – Я твоя лучшая подруга. Я, можно сказать, сестра. И смотреть, как ты гибнешь, я

не собираюсь!!! Если у тебя такие срывы, если тебе чудится, что ты якобы была в гостях у Громова…

– Да была я! – закричала Тая. – Была я в этом самом доме, но все было по-другому! Я думала, что этот дом отреставрировали, переделали внутри и отдали профессору физики: и двери другие, и не было никаких магазинов!!! И жили тут только одни Громовы, ужинали на первом этаже за столом, внутри все по-другому было!!! Всё ненастоящее…

– Позвони Громову! – суетилась Ирка. – Возьми прямо сейчас и позвони. Спроси, какого черта.

– Какого черта он снял на один вечер дом на Пяти Углах, перестроил его ради ужина в моей компании, а потом вернул все обратно? – невесело усмехнулась Тая. – М-да. «Макс, а где твой отец-профессор, где его студенты?»

– Хочешь, я ему позвоню? Дай телефон.

– Не смей. – Тая вцепилась в водосточную трубу лжегромовского дома. – Девчонки, вы лучше идите. Я хочу одна побыть.

– Вообще, я тоже иногда что-то такое странное вижу, – глубокомысленно начала Даша. – Один раз у меня чайник на кухне носом вертел. Я смотрю на него и думаю…

– Романцова, сгинь! – рявкнула Елесина, и Даша, обиженно пожав плечами, ушла прочь по улице.

Тая, вцепившись в водосточную трубу, перебирала в голове, что говорить врачу. Что именно рассказывать о своих галлюцинациях, какой диагноз он поставит?

– Ты как? – беспокоилась Ирка. – Уже полчаса тут стоим. Я сама с тобой к психологу пойду и все ему объясню. Ты в детстве пережила аварию, про… плей… предорию эту расскажу. Тебе просто назначат успокоительные таблетки, и всё, никто тебя в психбольницу не потащит…

Пока Ирка говорила, взгляд Таи оторвался наконец-то от созерцания вмятин на водосточной трубе, и внимание привлекла странная и смутно знакомая посетительница кафе, которая вошла в двери.

– Ир, – с мукой в голосе взмолилась Тая. – Возьми осторожно пудреницу и посмотри в зеркало назад, но не оборачивайся. В двери кафе только что твоя мать зашла или мне опять мерещится? В черном шикарном пальто, вся накрашенная и сапоги на шпильках.

– Моя мать по кафе не ходит и шпильки не носит, – хмуро сообщила Ирка. – Она деньги всегда экономит, а сейчас копит на новую стиралку. А в этом районе ей вообще делать нечего.

– Ир, посмотри просто, тебе ведь несложно. И если я не права – мы сразу уходим, и я ползу к психиатру.

Ирка, поморщившись, полезла в сумку, достала оттуда пудреницу и долго щурилась, разглядывая в зеркало то, что было у нее за спиной. Потом захлопнула пудреницу, снова ее открыла и принялась сосредоточенно в нее смотреть.

– Блин, – наконец сказала Ирка.

Выражение лица Елесиной говорило об одном: она сейчас

видит нечто необычное. А точнее – собственную мать, которая вместо поношенного пуховика и старой вязаной шапки нелепо разодета в черное бархатное пальто с шелковым капюшоном.

Пальто явно было ей мало и застегнуто не на те пуговицы, капюшон съехал набок, на лице виднелась попытка неумелого макияжа, шпильки комично подламывались при каждом шаге.

Удачная дислокация Таи с Иркой за водосточной трубой давала им возможность незаметно наблюдать происходящее внутри кафе. В пудренице было видно, что нелепо разодетая тетя Вера села за столик, за которым расположился важный мужчина в черном пальто.

– А с кем это она встречается, что за мужик? – прошептала потрясенная Ирка.

– Отец Макса, – с плохо скрываемым облегчением выдохнула Тая. – Знаешь, Ир, похоже, что мой поход к психиатру откладывается. Профессор-то существует.

– Зато моя мать в таком виде не существует, – прошептала потрясенная Ирка, не сводя взгляда с пудреницы. – У нее что – появился поклонник? Да скорее мир рухнет, чем это…

Встреча эта действительно совсем не была похожа на романтическое свидание. С такими лицами на свидание не ходят: и Вера Елесина, и Громов смотрели друг на друга с неприкрытой ненавистью. Тетя Вера гневно поджимала губы, комкая салфетку. Маникюра на ногтях не было – и ее

короткие толстые пальцы с криво подстриженными ногтями плохо сочетались с нанизанными на них кольцами.

В какой-то момент разговор резко прекратился: тетя Вера вскочила из-за стола и ринулась из кафе на улицу. Следом за ней быстрым шагом вышел и Громов.

– Зря, Вера! – крикнул он ей вслед. – Это называется – неблагодарность! Ведь мы помогаем тебе и поддерживаем, несмотря на твой поступок…

– Я нормально живу и ничего у вас всех не прошу, у меня у самой есть образование! – басом выкрикнула тетя Вера, развернувшись на ледяном тротуаре на каблуках-шпильках так, что вокруг нее взметнулся столб снежной пыли.

– Хорошо, что твои пациенты не знают какое, – едко заметил старший Громов. – И все же не будем портить важный день, который ждали столько лет…

– Напоминания излишни! – рыкнула тетя Вера. – И благодарить мне тебя не за что. Что, Громов, забыл уже, как кости свои собирал после того, как на меня рот посмел открыть?

– Как же, помню, – Борис Громов мрачно улыбнулся. – Но теперь это в прошлом, столько лет прошло. Иди и выполняй свою последнюю миссию, потому что пора. А это – тебе мое легкое напоминание и предупреждение, чтобы гонор поубавить… Будь проклята, Вера Елесина!

Отец Макса вдруг резко наклонился и прижал ладонь к тротуару, после чего поднялся, нехорошо улыбаясь.

Ладонь Громова почему-то отпечаталась черным на по-

крытом белым льдом тротуаре, будто рука его была испачкана черной краской. Отпечаток этот увидела тетя Вера, глядя на него с выражением ужаса и отвращения, будто на ядовитую змею.

Потом рядом с отпечатком проявился еще один такой же, потом еще одна черная ладонь и еще. Будто кто-то невидимый, оставляя черные отпечатки ладоней, двигался в сторону тети Веры. Та попятилась назад, потом побежала. Бежала она неуклюже, грузно переваливаясь и скользя на тонких каблуках, и полы ее черного бархатного пальто развевались, как крылья огромной бабочки.

Выпрыгнув на дорогу, Вера Елесина бросилась в сторону проезжающего мимо такси. Оно остановилось, и, рванув на себя дверь, мать Ирки запрыгнула в машину. С визгом колес та сорвалась с места – и только черные отпечатки ладоней побежали по дорожной наледи ей вслед.

Тем временем Борис Громов вытянул перед собой руки, будто защищался от кого-то невидимого, и… исчез, растворился посреди улицы. Человек мгновенно пропал, сгинул – а прохожие продолжали идти мимо совершенно спокойно, будто ничего странного не произошло.

Впервые за все годы дружбы Тае довелось увидеть такое выражение лица у Ирки Елесиной. Теперь уже Ирка цепко держалась за водосточную трубу, но с другой стороны.

– Я, знаешь, что думаю, – вдруг сказала Ирка. – Наверное, я тоже заболела. Температура у меня высокая, только я ее не

чувствую. Физра проклятая меня доконала, во-от…

Ирка, с трудом оторвав взгляд от дороги, по которой умчалось такси, воззрилась на Таю. Кончик носа у Елесиной истерично дрожал.

– Темнич, ты заразная, да? У тебя грипп, и ты приперлась в школу. Теперь у меня глюки… Обе мы заболели, например гриппом. Сначала ты, потом я. Теперь обе бредим, а у нас температура сорок или выше. А моя мать сюда и не приезжала, сидит сейчас на своем дежурстве в травмпункте и принимает пациентов.

– И у нее градусник там наверняка найдется.

– Ага. Так…

Ирка, отлепившись от водосточной трубы, рванулась к краю дороги, отчаянно махая рукой.

Машина остановилась сразу: Елесина плюхнулась на переднее сиденье, выкопав из сумки пару мятых сотен. Для Ирки это были нелишние карманные деньги, но сейчас важнее было немедленное объяснение всего происходящего.

– Перекресток Восьмой линии и Среднего проспекта, там, где травмпункт! – бросила Елесина водителю и, тут же обернувшись к сидящей позади Тае, начала возбужденно тараторить:

– У меня есть реальная версия! Смотри – снимали кино. Актриса просто на мою мать похожа. А мы случайно там оказались, нас просто пропустили и не предупредили, что киношку снимают…

– А ее тоже зовут Вера. А актер на отца Макса похож как две капли воды, супер, – Тая поморщилась, хотя на душе ей сейчас стало почему-то немного легче. Наверное, все же сходить с ума с кем-то вдвоем веселее, чем в одиночку. – А спецэффекты прямо на съемочной площадке делались, без компьютеров. Особенно с проклятиями и с пятернями этими кошмарными, которые по следам твоей мамы бежали…

– Не кино снимали, а что тогда? – Ирка вскинула испуганный взгляд. – Слушай, а может, мы с тобой обе головой сильно ударились, но об этом не помним, а?

– Девушки, к самому травмопункту нужно поближе подъехать? – осторожно уточнил водитель, с опаской поглядывая на Елесину.

– Не надо, спасибо, – обиженно буркнула Ирка, выскакивая из остановившейся машины.

Огромная унылая очередь в травмпункт возмущенно заволновалась, когда по узкому коридору начали продираться, спотыкаясь о чужие ноги, две взволнованные девчонки.

– Девушки, вы куда?! Тут очередь, занимайте за всеми! – завопили на них, но Ирку сейчас было не остановить.

– Нам спр-росить! – рычала Елесина, распихивая локтями тех, кто пытался преградить ей дорогу. – А ну, отойдите! Дайте пройти. Спр-р-росить нам надо…

– Спросить им! Хамство какое, стыд! Нет, вы посмотрите, какое безобразие, а еще юные девушки! – вопила женщина с перевязанным локтем, вдогонку огрев Ирку сумкой по спи-

не.

– Врач и так уже полчаса никого не принимает! У нее, видите ли, проветривание, она вообще ушла неизвестно куда и только сейчас явилась! И все равно никого не принимает! – послышалось возмущение с другой стороны коридора.

– Я в кабинет заглянул и ужаснулся! Черная плесень в кабинете летает, докатились, – добавил мужчина с перевязанной рукой. – Санэпидстанцию сюда надо вызывать…

Не слушая всего этого, Ирка, как обезумевший танк, прорвалась к двери в кабинет, толкнула ее и ворвалась внутрь.

И тут же вскрикнула:

– Мама-а!.. Что тут происходит?

– Дверь закрыли быстро! – метнув на девчонок безумный взгляд, проревела басом тетя Вера. – Не впускать сюда никого! Не принимаю, в кабинете проветривание! Не входи-ить!!!

Дверь захлопнулась, и Тая, оцепенев и открыв рот, потрясенно смотрела на происходящее, которое сейчас напоминало кошмарный сон.

Поначалу ей показалось, что в кабинете полно огромной черной саранчи, с которой борется тетя Вера. И только через несколько секунд Тая поняла, что саранча не может выглядеть как черные руки.

Всеми уважаемый врач-травматолог Вера Павловна Елесина сейчас яростно отбивалась от черных ладоней, которые с мерзким шипением летали вокруг нее в воздухе, хватали

за волосы и царапали лицо.

– Мама, что… Что происходит?! – тоненько пискнула Ирка.

– Не мамкай и не ори! – басом рявкнула в ответ Вера Павловна. – Проклятие это… обычное черное проклятие. Раньше бы так отшвырнула, Громов бы не оклемался…

Глава 8
Темное прошлое

– А… а что тут происходит? – Ирка хватала воздух ртом, как вытащенная на берег рыба. – У меня бред? Температура… Градусник у тебя где?!

– Ирина, сядь на стул и прекрати истерику, – жестким голосом скомандовала Вера Павловна. – Если уж ты вообще все это увидела, ничего не поделаешь – смотри молча. Рано или поздно это бы все равно произошло. – Вера Павловна глянула на Таю. – И ты сядь. Расскажу тебе все сейчас, так даже лучше. Тебя в первую очередь касается. Сейчас, пара минут… Будь проклят, Борис Громов!

Сказано это было каким-то особенным и незнакомым тоном, который никогда не наблюдался у тети Веры. Ладонь ее хлопнула об пол – от резкого наклона пальто треснуло на спине. След от ладони зашипел, будто от раскаленного утюга, и по кабинету пополз запах горелого линолеума.

– Будь проклят, Борис Громов… Проклят… проклят… – бормотала она, снова хлопая ладонью уже по стенам. В результате плакат под названием «Первая помощь при травмах» оказался прожжённым насквозь.

Вера Павловна яростно проклинала, размахивала руками и отшвыривала черные пятерни, которые всё еще продолжали виться вокруг ее головы. Спустя минуту они поблекли и

прекратили нападать, а потом начали рассыпаться в невесомую пыль. Мать Ирки еще яростно и долго хлестала воздух скомканным белым халатом, приговаривая слова явно не из врачебного лексикона.

Потом грузно осела на стул, вытирая лоб рукавом черного пальто, изодранного в клочья.

– Да-да, я знаю, как все это выглядит, но никто с ума не сошел, – Вера Павловна тяжело дышала, на ее пухлых щеках горели красные пятна. – Тасечка, мне трудно об этом говорить. Но не просто так я живу рядом, в одном с вами доме. Раньше бы я вот все это за секунду отшвырнула и кое-кого заставила сильно пожалеть… – тетя Вера нехорошо прищурилась. – Моя миссия – рассказать тебе правду, когда придет время. И оно пришло. Исполняю уговор! – громко объявила она куда-то в пространство и тут же торопливо заговорила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.